

Никита Александрович Филатов
Прощальный поклон капитана
Виноградова (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16906879

Прощальный поклон капитана Виноградова : [ро-ман; повести] / Никита Филатов: Амфора;

Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-367-03870-5

Аннотация

Спецслужбы пытаются установить контроль над капиталами организованной преступности. Владимир Виноградов, ставший адвокатом, оказывается вовлечен в расследование криминальных схем.

Содержание

Пустые хлопоты	5
Переходный период	21
Глава первая	21
Глава вторая	27
Глава третья	32
Глава четвертая	39
Глава пятая	45
Глава шестая	52
Глава седьмая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Никита Филатов

Прощальный поклон капитана

Виноградова (сборник)

© Филатов Н. А., 2015

© Оформление. ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

* * *

Пустые хлопоты

...Если возникла необходимость тихо спустить газы, следует раздвинуть пальцами ягодицы и затем, чтобы не выдавать себя запахом, быстро развеять запах махами ладони, не производя при этом шорохов.

А. Н. Медведев.

«Рецепты выживания для лазутчиков»

– Сегодня поташут! – с загадочной уверенностью заявил Сеницын. Дымчатое солнце уже выкатилось в пространство между вершинами и из последних осенних сил пыталось прогнать с перевала холод прошедшей ночи.

– Зуб даю – сегодня они эту гадость через нас попрут! Крайний срок. Контракт...

Виноградов лениво приоткрыл один глаз, но промолчал – спорить не имело смысла. Считалось, что из чисто вымытых окон местного УВД виднее. Поэтому Сережа Сеницын, прикомандированный к сводному отряду питерским Управлением, уже третьи сутки торчал здесь, изображая перед населением столичного корреспондента: щелкал пустым «Зенитом», приставал ко всем с вопросами и старательно чиркал что-то в красивом кожаном блокноте. Он оброс бородой и выглядел полным идиотом, что вполне вписывалось в образ и, по мнению начальства, должно было обмануть «их» разведку. Ведь, кроме следователей и журналистов, русских без погон здесь не было со времен прошлогодней резни.

– Эй, кто там! Готово все, идите завтракать!

Виноградов повел носом и приоткрыл второй глаз – из-за осыпавшегося дувала робкий дымок доносил запах куриного концентрата; встал, потянулся. Подхватил прислоненный к сырью и холодным камням автомат:

– Пошли, писатель...

Сеницын уже держал наготове глиняный кувшин.

– Давай полью! А потом ты мне.

Фыркая под ледяной струей, Виноградов подумал, что хоть с этим-то на кордоне проблем нет: горный источник, чудо природы, исправно снабжал служивый люд и путников кристально чистой и вкусной водой. Говорят, со времен Тамерлана...

– Зубы надо бы почистить. И побриться тоже!

– Надо, – согласился оперативник, не предпринимая, впрочем, в этом направлении никаких телодвижений. Собственно, и капитан Виноградов, произносивший ставшую почти ритуальной фразу изо дня в день, на практическое воплощение своих смелых идей в жизнь не рассчитывал.

– Утро доброе!

– Приветствую. Помогите-ка...

Хранитель очага, щуплый сержант по прозвищу Долгоносик, подхватил металлический штырь, на котором покачивался котелок, и с помощью Виноградова снял с костра ароматное варево.

– Ждать заставляете, ваши благородия!

– Ну, ты еще повякай! – Одновременно с Сеницыным и капитаном к огню со стороны трассы подошел здоровенный мужик, командир второго взвода с характерной фамилией Медведев. Уезжавший из Питера старшиной, приказ о получении первого офицерского звания он услышал уже в горах; погон лишних, естественно, ни у кого не оказалось, Виноградов спорил свои с ватника, поэтому младший лейтенант Медведев следами от вырванных с мясом звездочек больше всего напоминал трижды разжалованного капитана.

– Ишь, разговорился! Водитель кобылы. Окопался тут, понимаешь, при кухне!

– Зря ты так, – вступился на набычившегося Долгоносика Синицын. – Он что, виноват, если какой-то кретин в министерстве прикомандировал к отряду милиционеров-водителей, а машины выделить забыл?

– Я в строй просился! Понял, Медведев? – Сержант был самолюбив, как большинство коротышек. – Сам жратву готовить будешь, понял?

– Ладно, хватит, – осадил всех на правах старшего Виноградов. – Хватит, Медведев! Озверели. Бойцов не пора будить?

– Пусть дрыхнут, – пожал плечами взводный.

– Десятый час. – Посмотрев на часы, Виноградов принял решение: – Давай, кашевар! Поднимай ребят, остынет.

Когда шаги Долгоносика затихли за углом, командир взвода сунул в карман облизанную насухо ложку, встал и со вкусом помочился – не то чтобы у самого костра, но...

– Ка-айф!

– Ну ты вообще... – выдохнул оперативник и покосился на капитана.

– Да-а... Знаешь, есть офицеры милиции и эти, как их... А! Менты в офицерских погонах.

– Точно.

– Вы о чем это? – подозрительно оглядел их вернувшийся на свое место Медведев.

– Как бы тебе объяснить... – Закончить капитан не успел: в «столовую» шумно ввалились бойцы – щетинистые, вооруженные, с отчетливым запахом мужчин, шестые сутки спящих в одежде. Кто-то зашелся простуженным кашлем курильщика.

– М-да-а...

Там, далеко, за две тысячи километров отсюда, в родной северной столице, их – личный состав одного из самых элитных подразделений МВД – узнавали не только по физической подготовке и лихой беспощадной храбрости: притчей во языцех, предметом бесконечных, хотя и опасливых, подначек и шуток со стороны городских милиционеров было пестрое и довольно безвкусное обилие нашивок и шевронов на форме. Они превращали офицеров и сержантов Отдельного оперативного отряда милиции в некое подобие хоккейного нападающего или афишной тумбы времен заката русского царизма. Сейчас же здесь, в горах, что-то из этих блестящих штучек и бирочек отпоролось само по себе, над чем-то, как, например, над огромной четырехбуквенной аббревиатурой «ОООМ» на спине, пришлось поработать ножом и бритвой.

Бережно хранились только нарукавные питерские шевроны да клинышек трехцветного государственного флага на берете. Даже к погонам отношение было неоднозначным: офицеры отдавали предпочтение армейским, с зелеными звездочками, а сержантский состав вообще предпочитал обходиться без подобных излишеств, мол, свои и так знают, а под чужих снайперов подставляться резону нет вовсе.

– Пойдем, Сергей.

– Пошли.

Высыпая из-под ног острые струйки камней, капитан Виноградов направился вверх, к дороге. Синицын двинулся следом.

Если бы Владимиру Александровичу Виноградову пришлось описывать место, куда его на этот раз занесла неугомонная милицейская судьба, он, наверное, начал бы с того, что здесь называют трассой.

Желтая грунтовая дорога шириной в полтора грузовика, извилистая, прихотливо горбатая. Полоска обочины, порой достаточная для запрокинутого остова сожженного бронетранспортера, а порой исчезающая вовсе. Почти отвесные бурые скалы, стискивающие трассу с обеих сторон и нехотя расползающиеся где-то там, вверху, почти за облаками. Гряз-

ный мох, колючки кустов, сведенные судорогой стволы редких деревьев – и ветер, беспощадный и вечный ветер горного перевала.

Капитан новичком на Кавказе не был. И хотя в недавнем прошлом, в советские еще времена, пройти здесь веселым туристом ему не довелось, начавшийся период Большого Развала с лихвой восполнил этот пробел в биографии Виноградова.

Сопливым опером середины восьмидесятых, мотаясь по стране с уголовными делами на спекулянтов и взяточников, он застал еще сказочное гостеприимство местных коллег: цветастые застолья в неприметных и укромных ереванских шашлычных, оплаченный начальник районного ОБХСС номер в отеле с павлинами на берегу Каспия, шумные вояжи вереницы мигающих «Волг» в сухумский обезьяний заповедник... Это потом уже были Нарашен, бакинские погромы, эшелоны с беженцами; крестьяне в слезах, голодные дети, окровавленные женщины... Землетрясение – трупный запах и штабеля свежеструганых гробов на платформах. Республика горцев, стрельба по ночам, черные пиратские вертолеты, тонущий катер с красным крестом. Первые заставы на Вардино-халкарской границе, игры в казаков-разбойников, похожие на далекое детство, с той только разницей, что и казаки, и разбойники настоящие, а проигравшего убивают...

Капитан устал. Отсчет времени до пенсии шел для него еще даже не на месяцы – на годы! – но их, этих оставшихся лет, было уже не так много. Был шанс дослужить.

– Шеф! – внезапно зашипела прицепившаяся к плечу радиостанция. – Шеф, я вас вижу!

– Аналогично! – парировал репликой из мультфильма про колобков-сыщиков Владимир Александрович и автоматически зашарил глазами по нависшей над дорогой каменной глыбе. Потом спохватился: – Очистить эфир! Первый пост, будете наказаны.

– Понял. Пардон. Менять нас не пора? Жрать охота!

– А бабу вам не прислать туда? Всё, отбой!

Радиостанция обиженно пискнула и умолкла.

– Здорово слышно. – Синицын прикурил и аккуратно сунул жженую спичку обратно в коробок.

– Видимость хорошая. Сырой воздух, – пожал плечами Владимир Александрович. – А за скалу зайдешь – ноль баллов. Со станцией, например, связи нет и не было, ретрансляторов штук десять надо или телефон тянуть. Хотя всего-то километров пять, если по прямой.

– Где ж ты тут прямые нашел, – вздохнул оперативник. – Одни загогулины.

Впереди, в метрах в ста, трасса уходила за скалу, затем делала еще один поворот, потом еще. А дальше, за перевалом, начиналось то, что в официальных документах именovali «зоной действия чрезвычайного положения»: крохотная окраинная территория бывшего Союза, населенная гремучей смесью из полусотни народностей, племен, кланов, испокон веков шумно и непонятно для русского человека резавших друг друга, стрелявших, взрывавших. Единственным видом созидательной деятельности для местных жителей было выращивание и переработка всяческой дури – экспорт наркотиков, наряду с торговлей оружием и грабежами соседей, составлял основную долю национального дохода.

Сзади, по другую сторону горной цепи, начинались края казачьи, с их хлебным призывом, сытыми грудастыми девками и драчливыми мужчинами.

А между ними, почти на самой середине перевала, дослуживал свой десятидневный срок очередной питерский кордон: восемь бойцов, два офицера, безлошадный водитель Долгоносик и прикомандированный к ним опер «по наркотикам» Синицын...

Году еще этак в девяносто втором название Анарского перевала, отмеченного разве что на очень подробных армейских картах, было известно только местным жителям да, пожалуй, американским шпионам, которым, говорят, известно все: стоял себе у дороги обычный милицкий КПП, потихоньку досматривал проезжих, изымая нечастое оружие и травку. А потом началась холера!

Эпидемия вспыхнула как раз в момент обострения взаимной пальбы: гуманитарные грузы мгновенно разворовывались, лекарства, бесплатно собранные по всему миру, на черном рынке стоили дороже патронов, а наивных французских «врачей без границ» насиловали и убивали прямо в полевых госпиталях.

Россию нужно было спасать от заразы с гор – и слова эти перестали восприниматься как набивший оскомину клич кухонных патриотов. Смысл их зловеще воплотился в реальность.

Так вышло, что основной поток беженцев хлынул именно через Анарский перевал, тысячи измученных, больных, голодных людей: старики, женщины, дети. Ограбленные и униженные своими же соплеменниками, потерявшие родных и близких, они в любую минуту могли выплеснуться в притихшие казачьи станицы, поднимая новую волну взаимной ненависти, сея смерть и холодный пот холерных бараков.

В те дни не сходило с телеэкранов: толпа, то тихо безучастная, то корчащаяся в истерике; перевал, забитый пестрой и пыльной людской массой на бесконечные километры. Башни танков и грязные лица солдат десантной роты. Серебряное кружево проволочных заграждений, шлагбаум, долгие трассы ночных очередей. Грузовики с редкими счастливыми, прошедшими санконтроль, – и медики в белом, измученные дикостью и бессонницей, своей и чужой болью, циничные и полутрезвые.

К осени зараза как-то сама собой пошла на убыль.

Затихла, напивавшись человечины, и очередная междоусобица: большинство осаждавших кордон вернулись под крыши родных аулов, кого-то схоронили по местному обычаю, некоторые прижились в станицах и городках незлобивой южной Руси. Войска и врачей увели, и теперь раз в сорок дней в распоряжение местного УВД прибывал сводный отряд откуда-нибудь из средней полосы – оперативники, следователи, милиционеры. Базировались в краевом центре, несли на дорогах патрульную службу и посменно, «вахтовым методом», вкушали прелести дежурства на перевале Анар.

В ноябре трудовую повинность отбывали питерцы: сводная рота из Отряда, инспектора ГАИ и несколько сыщиков из Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Особых подвигов за личным составом не числилось, командировка подходила к концу, и поговаривали даже, что больше никого присылать не будут: дороговато, да и необходимость потихоньку сошла на нет.

– Что с билетами? – поинтересовался Владимир Александрович. Синицын приехал на перевал позже, поэтому вполне мог бы быть в курсе.

– Не знаю. Говорят, поездом поедем.

– Это плохо. – Виноградов имел основания быть недовольным: ко дню рождения жены хотелось уже оказаться дома, а поезд до Питера тащится почти двое суток. Самолетом бы – в самый раз.

– Надоело все.

– Надоело. Тоска!

Даже местный участковый, когда-то безвылазно дни и ночи проводивший на кордоне – то в качестве переводчика, то как посредник при деликатных переговорах между «вахтерами» и редкими гостями с той стороны перевала по поводу платы за проезд, – даже он уже не показывался вторые сутки: то ли свадьба у племянника, то ли похороны соседа.

О недавних событиях напоминали только пронзительный запах извести, впитавшийся, казалось, навечно в сырой мох скал, и наспех засыпанная помойная яма. Еще, пожалуй, россыпи стреляных гильз да тошнотные лужи с кровавыми клочьями ваты, то и дело попадавшие под ноги.

– Лучше уж, чтоб тоска.

На приключения Виноградова давно не тянуло: послезавтра замена в «ближний тыл», потом десять дней необременительного патрулирования в краевом центре и – «...помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!» Прощайте, скалистые горы, видели бы мы вас в телевизоре. Собственно, никакой необходимости в присутствии Владимира Александровича здесь не было с самого начала. Просто понадобился командиру сводной роты опытный офицер, в меру пьющий и не очень ленивый: гибрид замполита с начальником штаба. Вот он Виноградова у командира Отряда и вытребовал. Три недели почти бумажки с угла на угол перекладывал, потом пришлось на перевал собираться. Медведев считался опытным взводным, но офицером стал только что, начальство решило перестраховаться. Вроде капитана-наставника на торговом флоте – толку мало, но приличия соблюдены.

– Значит, говоришь, – сегодня?

– Должны, – кивнул Сеницын.

– Посмотрим...

Опер уверял, что по данным их агентуры на этой неделе деловые парни «с той стороны» попытаются переправить в Европу партию «товара»: на этот раз товар был не здешний, то ли афганский, то ли пакистанский. Количество по мировым меркам небольшое, но вполне достаточное для пары внеочередных званий и, может быть, даже медалей тем, кто эту партию перехватит. Что само по себе было, конечно, весьма соблазнительно. Да и показатель в отчет само собой не лишний, но...

– А почему здесь именно?

– А почему нет? Триста лет эту гадость через Анар таскали – не «великий опиумный путь», разумеется, но все-таки тропа! Это только последние год-два...

– Ну, если мимо нас проскочить – до станицы добраться, конечно, можно. Это верно.

– А там вокзал. И аэропорт. Свои люди.

– Ясное дело!

– Хотя, конечно... Мне в гостинице цыганка гадала, помнишь, та, ну, что все время из столовой корки хлебные уносит... Вышло: «пустые хлопоты»! – Сеницын смущенно улыбнулся.

– Медведев! Иди сюда, где ты?

– Ну? – Взводный тяжело взобрался к офицерам. – Что?

– Ты насчет цыганки слышал? Опер рассказал.

– Слышал.

– И что думаешь?

– На чем гадала? На картах? – помедлив, поинтересовался младший лейтенант.

– Да, – уже жалея, что разоткровенничался, ответил Сеницын.

– Тогда так и есть. Цыганки умеют на картах.

– Хороший ты парень, взводный. – Виноградов вынужден был отвернуться, чтобы убрать с лица смешливое выражение.

– А как насчет мужиков сверху? Подменили их на завтрак?

– А как же! – Медведев снял с шеи бинокль. Сами гляньте.

Капитан поднес к глазам артиллерийскую оптику: по каменным складкам вниз стекали две похожие на ящериц фигурки.

– Аттракцион года! «Смена первого поста для принятия пищи», – прокомментировал Сеницын.

– Придумай лучше. – Для командира взвода оперативник из Главка был никто, поэтому он считал возможным демонстрировать свое уважение только Виноградову.

Лучше пока придумать ничего не удавалось. Работали сутки через сутки – половина бойцов условно отдыхает, двое непосредственно у шлагбаума, на досмотре. Еще двое – «пост номер один», огневая точка и наблюдательный пункт на скале, прямо над дорогой.

Этакий добротно укрепленный и обжитой скворечник, с которого трасса просматривается идеально: за пару километров все, что движется со стороны аулов, видно. Идет, например, машина...

– Внимание, «Долина»! Ответьте первому посту.

Виноградов покосился на радиостанцию и довольно хмыкнул: бойцы сделали выводы из недавнего внушения. А может быть, просто не хотели подводить своего командира.

– На приеме «Долина».

– К нам гости.

– Понял вас. Подробнее!

– Белая «двойка»... Или «четверка»... Быстро едет, даже очень!

– Ясно, первый пост. Встретим!

* * *

Повинуясь причудам горной акустики, звук появился чуть позже изображения.

Сначала из-за поворота вынесло теряющий равновесие жигуленок, и только потом в уши ударил рев изнасилованного двигателя.

Машина с трудом удержалась на трассе: вывернутые колеса резали щебенку, высекая грязно-серое облако, отвесная скала справа почти вlepила в себя хрупкий металл...

– Во дает!

Столпившиеся вокруг начальства милиционеры, оставив завтрак, с интересом наблюдали за происходящим. Теперь, когда «двойка» замерла перед шлагбаумом, можно было разглядеть через опущенное стекло водителя – одинокого усача в форменной рубашке с погонами старшего лейтенанта.

Выключив двигатель, он дисциплинированно положил на панель перед собой слегка подрагивающие руки и что-то сказал приблизившимся с двух сторон дежурным автоматчикам. Все трое одновременно повернулись в сторону Виноградова.

– Гули встали? По норам, одеваться! – рявкнул Медведев, и его бойцы мгновенно ссыпались со смотровой площадки. Последним в открытую дверь жилой пещеры нырнул Долгоносик. – Бар-раны!

– Пойдем, мужики, – вздохнул капитан и, почти не выбирая дороги, направился к гостю. Сзади возбужденно задышал Синицын, стараясь держаться вровень с командиром взвода.

– Здравствуйте. Добро пожаловать.

Кавказец уже стоял рядом со своей многострадальной белой красавицей: закатанные рукава, форменные брюки с остатками складок, кобура. На голове – фуражка-«аэродром» с советским еще гербом и крохотным по местной моде козырьком.

– Старший лейтенант милиции Яниев Омар! Честь он отдал с достоинством, без суеты. Акцент почти не чувствовался, только некоторые гласные звучали по-южному резко. – Участковый инспектор Анар-аула.

– Капитан Виноградов.

– Документы в порядке, – один из постовых вернул Яниеву красную книжицу.

– Какие-нибудь проблемы? Помощь? – Коллегу с той стороны перевала Владимир Александрович видел впервые, как себя с ним вести, представлял неотчетливо, а местный сержант, как назло, запропал.

– Нужно немедленно.

– Ого! Ни хрена себе! – присвистнул второй постовой, оказавшийся позади машины.

– Что там?

– Гляньте.

Но теперь и без комментариев было видно: два отчетливых пулевых отверстия на заднем стекле, серебристые венчики трещин.

– И в железе еще свежая! И еще вон одна.

– Да-а. Слушаю, коллега.

– Товарищ капитан! – начал гость, но осекся: Синицын, и без того выглядевший белой вороной в своем штатском пиджаке, достал блокнот и ткнул в него ручкой.

– Не обращай внимания. Так надо, это свой.

– Ага. – Старлей нахмурился, потом кивнул: – Товарищ капитан! Докладываю: сюда банда идет, прорыв будет.

– Что?

– Какая банда? Чья?

Участковый почувствовал себя в центре внимания. Как не раз замечал Виноградов, одной из особенностей местного национального характера извечно была способность любоваться собой в самых, пожалуй, неподходящих обстоятельствах. В этом и заключался, видимо, один из секретов легендарной горской отваги.

– Банда Бейдара. Двадцать – тридцать стволов, не более.

– Надо им что? Толком объяснишь?

– Люди говорят – наркотики. Много. К вам, в Россию. Хотят поближе к станции спрятать, в землю зарыть, потом другие заберут, дальше отправят. Так говорят!

– Когда? – Синицын утробно рычал и уже совсем не походил на бутафорского корреспондента.

– Думаю, полчаса-час. Они за мной гнались, стреляли, маму их так.

– Извини, старшой, только не обижайся! А почему?

– Ва! – Яниев прервал поток гортанной ругани и понимающе выставил вперед ладони: – Конечно! Товарищ капитан, ты не местный, не знаешь. Бейдара в нашем ауле не любят, Бейдар чужой. Из-за реки. Старики предупреждали: не надо! Опять война. Он не слушает, как собака ненормальный, ва! – Участковый сплюнул себе под ноги и зачем-то добавил: – Я в Ростове учился. Друзей много, понимаешь.

– Яс-сно-о. Спасибо, брат! В долгу будем, Бог даст, сочтемся... Синицын!

– Я!

– Прими пока гостя, побеседуй, а мы со взводным.

Виноградов увлек за собой младшего лейтенанта, но через несколько шагов вынужден был остановиться: на площадке у костра уже собрались милиционеры – возбужденные, упакованные в бронежилеты. Каски они пока держали в руках.

– Ну? Наши действия? – тихо, чтобы никто не услышал, спросил Виноградов.

– А что, капитан, «скворечник» я уже предупредил по рации, в общих чертах. Стоит туда еще одного бойца послать? На всякий случай?

– Давай! Значит, там трое будет. Внизу – мы с тобой и остальные.

– Пятеро их. И Долгоносик.

– Нет! – Виноградов помедлил, додумывая какую-то свою мысль. Наконец принял решение: – Водилу и Синицына отправим в станицу вместе с джигитом. Пусть пригонят десантников.

– На его машине?

– Есть другая?

– Согласится ли?

– Хотелось бы. Ладно, моя забота. Строй людей, ставь задачу!

Эхо двигателя рассыпалось за поворотом, и капитан облегченно вздохнул: в целом все пока шло нормально. Если не считать того, что вместо Долгоносика поехал пожилой боец, которому оставался один год до пенсии. Не скрывая, во всяком случае, искренней радости

по этому поводу, он уселся рядом с местным участковым и даже отсыпал магазин патронов сияющему водиле:

– Воюй, молодой! Может, орден получишь.

– Да я не потому! – поерзал Долгоносик и преданно затрусил за внявшим его нытью капитаном.

– Значит, давай. На тебя надежда! – пожал Владимир Александрович руку оперу. – Не подведи уж.

– Доберемся. И с армией приедем!

– Осторожней с джигитом.

– Это ясно. Береженого Бог бережет!

– В пути хлебалом не щелкайте, постоянно пытайтесь выходить на связь – пусть там уже наготове будут, когда доберетесь. А то при нашем бардаке...

– Пусть вертолетами.

– Ладно! Давай. Счастливого пути. Спаси тебя Аллах, старшой!

– Держитесь, братцы!

– Привет семье! Мать их так...

Почему-то захотелось есть. Виноградов спустился к тлеющему костру, нашел полупустую банку тушенки, в которой уже хозяйничал рыжий сосредоточенный муравей. Сделал себе бутерброд.

– Все готовы?

– Вроде... – пожал плечами подошедший Медведев. Ему нравилось, что капитан не суется зря, не лезет с ценными указаниями. Командир взвода чувствовал себя сейчас нужнее дюжины штабных крыс с двумя просветами на погонах и видел, что Виноградов думает так же.

– Выпьете, Владимир Александрович?

– Давай.

Капитан принял от Медведева фляжку. Глотнул.

– Коньяк? Здорово. Хороший коньяк.

– Пейте, пейте!

– Откуда?

– Бакшиш. Сувенир, так сказать, от вчерашних торговцев – помните, автолавку досматривали?

– Ну вы даете. – Капитан приложился еще раз, вернул сосуд. – Спасибо!

– Не за что.

– Может, обойдется...

– Нет. Задницей чувствую – нет! – И, как бы в подтверждение его слов, ожила рация: – «Долина», ответьте первому посту! «Долина»...

– На приеме «Долина».

– Гости приехали! Грузовик и автобус. Выгружаются.

– Сколько? – Виноградов провел языком по губам. – Вооружение?

– Человек тридцать... Все с автоматами вроде, хрен разберешь, далеко все-таки!

– Спасибо, первый пост! Не высовывайтесь пока.

Капитан перехватил взгляд взводного и с облегчением передал ему микрофон.

– Внимание всем! – медведевский бас хрипло отозвался в динамиках: – Приготовились! Огонь открывать по команде. Или по обстановке. Эфир слушать! Докладывать сразу, если что...

– «Долина», они двинулись! Две колонны вдоль обочин, человек по десять... Интервал – метр!

Виноградов не вполне был уверен в точности услышанной терминологии, но картинку себе представил: плохо выбритые чернолицые автоматчики, осторожные шаги и почти в затылок друг другу – две короткие злые змейки, сползающие за поворот.

– «Долина», они под нами!

– Понял. Сидите тихо, пока можете. – Медведев заговорил шепотом, его голос был вряд ли различим в треске помех.

Оборона перевала задумывалась когда-то как система самостоятельных укрепленных точек. Расположенные в шахматном порядке на склонах по обе стороны трассы, они взаимно перекрывали сектора обстрела: каждая находилась в прямой видимости двух соседних и поддерживала их при необходимости огнем. Решение было, видимо, единственно верным, тем более проверенным на практике: в сорок втором неполная рота НКВД почти на две недели задержала здесь, на Анарском перевале, рвавшихся на степной оперативный простор немцев. Десантники, стоявшие здесь в дни «холерного бунта», дедовский опыт учли и передали его сменившим их милиционерам. И хотя даже в Отечественную сил у обороняющихся было раз в десять поболее, не говоря уже о пулеметах и «карманной» артиллерии, которой питерцев никто оснащать не собирался, роптать на судьбу Виноградову не приходилось: противник был все-таки по жиже тех давних эсэсовцев.

Площадка над каменной хижинкой служила командным пунктом и одновременно последним рубежом обороны. Здесь были Виноградов и командир взвода.

Почти под ними, завалив мешками с песком покосившийся шлагбаум, залегли трое: медведевские автоматчики и увязавшийся за ними Долгоносик.

Еще двоих капитану было не видно: позиция скрывалась за поворотом трассы, но при необходимости ребята от шлагбаума могли поддержать ее огнем или прикрыть отход. И, наконец, «скворечник» первого поста.

Тактиком Владимир Александрович, даже в армии не служивший, был никаким. Поэтому у него хватало ума не вмешиваться в распоряжения афганца Медведева.

– Сейчас начнется, – поморщился он, переводя предохранитель в режим автоматической стрельбы.

– Да, – кивнул взводный. Судя по всему, противник уже обогнул скалу и приблизился вплотную ко второй огневой точке. – Еще хлебнете?

– Нет, спасибо. – Под испытующим взглядом младшего лейтенанта Виноградов был вынужден отказаться. И почти сразу же пожалел об этом.

– Ладно. – Не отрываясь от изгиба дороги, Медведев поднес к губам фляжку и шумно выпил. – Зря! Ты такой умный, Вова. Как здесь очутился?

– Грехи замаливаю.

И в этот момент по каменной щели перевала сыпанула первая очередь.

– Началось, блин!

Виноградов распластался на животе, выставив над бруствером ствол и пытаясь хоть что-то разглядеть.

– Что там у вас, первый пост? Ответь «Долине»!

Рация что-то прошипела, но в грохоте и треске, заполнивших горный воздух, разобрать отдельные слова было невозможно.

– Что? Не понял!

– «Долина», они атакуют ребят! Разрешите...

– Давай, Серега! Действуй!

Виноградов принял из рук Медведева микрофон – он и не заметил, как и когда передал его командиру взвода.

– «Долина»! Товарищ капитан! Разрешите выдвинуться к нашим?

В секундной тишине вопрос прозвучал неожиданно четко. Опустив глаза вниз, Виноградов увидел повернутые в сторону командного пункта лица бойцов. Долгоносик прижимал к губам передатчик:

– Разрешите?

– Сидеть на месте, бар-раны! – Взводный окончательно принял управление боем на себя, а Виноградов в очередной раз облегченно вздохнул. – Угребу!

По ушам снова ударила грохочущая волна, дружная и внезапная. Многократно расколовшись эхом, она мгновенно стихла, затихая трескучими хлопками одиночных выстрелов.

– Они убегают, командир! Мы сбоку врезали! Командир!

Виноградов представил: сверху, со «скворечника», по крадущимся автоматчикам, как в тире, ударили беспощадные очереди.

– Потери, первый пост?

– Все нормально, командир! У них – двое... нет, трое валяются! Мертвяк...

– Второй пост! Вас не слышу?

– Нормально, вроде... Спасибо мужикам!

Глухо пробарабанила длинная ленивая очередь, затем что-то противно завизжало, и рядом с трассой, метрах в пятидесяти от командного пункта, рванулся к небу фонтан щебня и пыли.

– Миномет, сука! – удивился Медведев.

Через несколько секунд рвануло еще – с той стороны, перед скалой.

– Жопа, – капитану до судорог захотелось очутиться сейчас же как можно дальше от этого чертова места. Взводный был с ним полностью солидарен:

– Приветик...

Оба думали об одном: до станицы быстрой езды минут тридцать, пока то, пока се. Расчеты не грели.

– Как считаешь?

Почти одновременно просвистели еще две мины – теперь было ясно, что огонь ведется по «скворечнику».

– Что у вас, мужики? Первый пост!

– Херово... Лукьянов убит. Нас накры... – Верхушка скалы вновь рассыпалась веером камней и песка.

– Ребята! Живы?

– Вроде...

Слышимость была почему-то почти идеальная.

– Вниз! Быстро вниз!

– Они опять лезут, «Долина»!

Вцепившийся глазами в «скворечник» Виноградов даже не сразу сообразил, что на связь вышел автоматчик со второго поста: на трассе, прямо над скалой, завязалась перестрелка.

Без всякой оптики было видно: по почти отвесному склону вниз скатываются болотного цвета фигуры, одна – чуть опережая, обремененная только болтающимся на брезентовом ремне автоматом, две другие – сцепившись в неуклюжий комок – живой и мертвый.

– Догадался – уносит! Молодец, Серега! – не обращая внимания на капитана, Медведев вновь поднес ко рту микрофон: – Второй пост! Отходите остороженько. Прикройте их, мужики!

Прошло не меньше минуты, прежде чем в поле зрения Виноградова возникли сначала коротко стриженный старшина без каски, потом – другой милиционер. Судя по всему, автоматные магазины его были пусты и боец достреливал последние патроны макарова. То пятясь, то короткими бросками преодолевая очередные метры, они были совсем близко.

Уже все, кто залег у шлагбаума, суматошно поливали свинцом не видимых пока с командного пункта бандитов, останавливая, отсекая их от отступающих товарищей.

Внезапно старшина споткнулся, потерял равновесие, осел неловко и вцепился руками в бедро. С ним поравнялся напарник, чуть помешкал, последний раз выстрелил куда-то назад. Потом сунул пистолет в кобуру, подхватил раненого и, не оглядываясь, поволок его к брустверу.

– От черт!

Все настолько соответствовало натужным киношным шаблонам, что капитан даже не удивился, увидев: маленький Долгоносик перемахнул через мешки с песком, поравнялся с отходящими. Распластавшись, втиснув себя в щербень почти посередине голой пустой дороги, он выставил вперед черное жало автомата и дал длинную очередь. Несколько секунд ему удавалось солировать, но потом противник, оправившись от замешательства, бросил на наглеца всю наличную огневую мощь. Пыльные сердитые фонтанчики забежали по щербатому покрытию трассы, то безобидно уползая в скалы, то почти касаясь лежащего бойца.

– Назад! Назад, мудень! – Вставший почти во весь рост Медведев орал, забыв про радиостанцию, не надеясь даже быть услышанным, – орал для себя, потому что скопившаяся энергия бездействия требовала выхода, выплеска, разрядки: – Ноги вырву, козел!

В тот же миг Долгоносик, эффектно перекатившись вбок, оторвался от земли и в несколько прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от позиций. Раненый с напарником уже были в относительной безопасности.

– Патроны береги, Вова.

Капитан не сразу сообразил, что взводный обращается к нему, потом убрал палец со спускового крючка, потрогал ствол, горячий, пахнущий порохом.

– Ни фиги себе! Чегой-то я?

– Бывает...

Медведев озабоченно посмотрел вверх.

– На «скворечник» с той стороны не забраться, кажется. Пошли!

Офицеры направились к ведущей вниз каменной лестнице, но, не сделав и пары шагов, плашмя кинулись в стороны: по ушам врезал уже знакомый пронзительный свист, скалы трянуло и осыпало грохотом. Почти сразу рванула и вторая мина – также достаточно далеко от позиций, не причинив вреда.

– Хреново быют, – отметил Виноградов, отряхиваясь: лежать дальше было уже неприлично.

– Корректировщика нет, – кивнул Медведев и неожиданно для капитана перекрестился.

– Эй, взводный! Товарищи командиры! Живы? – Снизу на командный пункт пробирался неутомимый Долгоносик. – Ау-у... А то чего-то рация молчит, никаких ценных указаний...

* * *

Лицо у Долгоносика было грязным, румяным и довольным.

– Видали? Во! – Он выставил вперед плечо – материя на рукаве ватника рассечена, через прореху торчат серые комья ватины: – Пулей!

– Вида-али... – Демонстрируя полное безразличие, Медведев закончил прикуривать и затопал вниз.

– Молодец. – Виноградов поравнялся с насупившимся Долгоносиком и, гася отчужденность, протянул ему руку: – Отличился. Нет, я кроме шуток. Молодец!

Уже некоторое время не стреляли, но открытое пространство до бруствера капитан преодолел бегом, на полусогнутых.

– Что там? Тихо?

Один из бойцов молча подвинулся, уступая место у импровизированной бойницы.

– Да-а...

Сектор обстрела и здесь был достаточно узок: отвесные скалы по обе стороны, крутой изгиб трассы...

– Вон, за черным камнем.

Присмотревшись, Виноградов разглядел метрах в двадцати, у самого поворота, безжизненное тело: густые волосы под сползшей, почти фетровой шляпой, армейский бушлат, рука на прикладе.

Ни воронок, ни пулевых отметин – только запах стрельбища да покойник, единственный зримый след только что прерванного боя.

– Товарищ капитан! Вас Медведев к себе вызывает.

– Иду. – Сейчас было не до тонкостей строевого этикета, поэтому Владимир Александрович сделал вид, что не заметил оплошности посыльного. – Он там?

– Да! Пойдемте.

Взводный сидел под убогим навесом, метрах в пяти от трассы. Мощная каменная кладка заброшенного колодца, высохшего, согласно преданию, в юные годы Тамерлана, была надежной защитой не только от стрелкового оружия.

– Как Леха там?

Виноградов понял, что младший лейтенант имеет в виду раненого.

– Нормально.

Действительно, пуля прошла навывлет, не задев ничего серьезного, так что кровь уже не сочилась через наложенную бывалыми милиционерами повязку.

– Лукьянова жалко. Что скажешь?

Капитан пожал плечами:

– В строю нас восемь. Патронов на остатке – меньше чем по магазину. Плюс пистолеты.

– Ни шагу назад? До последнего?

От тона Медведева Владимир Александрович смутился и полез зачем-то в карман.

– Не знаю...

С неба вновь обрушился свист, и рвануло где-то рядом с пустым командным пунктом.

Взводный посмотрел вверх.

– Если они заберутся в «скворечник» – нам абзац.

Он высказался грубее; но без ненормативной лексики тут было не обойтись, поэтому Виноградов кивнул:

– Это возможно?

– Вроде нет, но...

– Слушай, Медведев, я ведь тоже в герои не лезу, тем более посмертно. Так что...

– Хорошо, Саньч. Это уже хорошо. А то я подумал, что ты вроде Долгоносика – энтузиаст!

– Заткнись!

– Извини. – Взводный посмотрел на часы. – Обед у них, что ли? За двадцать минут – четыре мины. Непохоже это на прорыв, хоть убей... тьфу-тьфу-тьфу!

Виноградов уважал чужой опыт, тем более афганский, отмеченный «Звездочкой» и «Боевыми заслугами».

– Думаешь что?

– Конь в пальто! Может, разведка боем?

Капитану стало почему-то не по себе:

– А если послать кого-нибудь наверх? Тихо, только глянуть?

– Может. Ладно! Двоих отправим в «скворечник», а то сидим, как дураки. Они-то в нас хоть минами кидаются, а мы вообще хуже котят слепых: «ждем-с!» Доложат – сориентируемся.

Взводный помедлил, потом прикрыл глаза:

– Наверное, будем отходить. Компактной группой, оставляя прикрытие.

– Тебе виднее. Если что, я как старший по званию...

– Послушай, Вова! Я тебя уважаю, но сейчас не сорок первый. И немцы не на Пулковских высотах. Помирать зазря никому не хочется, мы это уже проходили...

– Слышь! Это что такое?

Офицеры одновременно повернулись назад: воздух со стороны станицы запел, зазвенел, сначала тихо, а затем стремительно наполняясь басовыми нотками. И вдруг накатил непривычной стеной механического рева.

– Спаси, Господи, люди Твоя!

Два скуластых, остромордых вертолета осторожно подползли к кордону и зависли чуть сзади, метрах в ста над трассой.

– «Долина», «Долина»! Я – «Борт-двадцать»! Слышите меня?

– Слышу вас, «Борт-двадцать»! – Виноградов взял из рук взводного радиостанцию. – Здесь мы, под вами.

– Держитесь, земляки! Броня на подходе!

– Спасибо, «двадцатый». С нас стакан!

– Сочтемся! Давай-ка обозначьтесь, «Долина»!

Виноградов недоуменно посмотрел на Медведева – чем это обозначаться? Как? Костром? Дым-шашками, которых нет?

– Айн момент!

Младший лейтенант вскочил, в два прыжка очутился у бруствера и достал что-то из-под бронежилета. Темный рифленый комок вылетел из его руки, описал дугу и с хлопком разорвался на некотором удалении от милицейских позиций. Видно было, как воздушная волна слегка пихнула равнодушный ко всему вражеский труп, облако пыли осело на трассу.

– Спасибо, «Долина»! Поняли...

Слегка завалившись на бок, боевые машины рванулись вперед, за скалу.

– Есть мнение, что изъятое оружие положено учитывать. И сдавать.

Особого осуждения в голосе Виноградова не было, и вернувшийся взводный это понял безошибочно:

– Бакшиш, капитан. Сувенир! Видишь, пригодился.

– Чего уж теперь.

Оба настороженно прислушались, но вместо ожидаемых разрывов реактивных снарядов и пушечного грохота на кордон накатилась новая волна монотонного рокота: вертолеты возвращались.

– «Долина», слышите нас?

– Слышим, «двадцатый»!

– Цели не вижу, «Долина»! Не вижу цели!

– Не понял?

– Нету никого, «Долина»! Не видно.

– Дай, капитан! – Медведев вернул себе переговорное устройство. – Мужики! Зачистите тут для порядка, а потом проверьте туда дальше, по дороге, – может, они к себе смаываются. Больше некуда!

– Добро, «Долина»!

Боевые машины выполнили маневр, потом зависли напротив «скворечника» – одна чуть выше, другая пониже. «Двадцатый» выкинул из-под брюха две жирные яркие стрелы, затем развернул вдогонку ракетам трассирующий веер.

– Всё, «Долина»! Концерт по заявкам пехоты окончен. Пока, до встречи!

– Спасибо, мужики!

Вертолеты скрылись, унося с собой рев моторов и затухающее эхо огневой зачистки.

– Пойдем?

– Пошли, сходим...

В комментариях личный состав не нуждался: радиостанции были не только у офицеров.

– Поздравляю! Геройская оборона Анарской крепости завершена, – балаганно возгласил Медведев, но осекся, вспомнив, видимо, о лежащем в двух шагах Лукьянове. – Словом... Товарищ капитан обещает все это красочно расписать, чтобы награды там всякие, медальки...

– Кончилось, ребята. Спасибо. Поздравляю!

Было чему радоваться, но пока не хотелось.

– Станкевич, Голубев. Долгоносик! За мной, Скрябин! За старшего здесь. Пошли! – взводный снял автомат с плеча и полез через каменную кладку.

Сначала поравнялись с трупом. Один из милиционеров нагнулся, перевернул его на спину: лет сорока, заросший, с большими крестьянскими ладонями.

– Силен! – Автомат тянулся из сведенных судорогой рук с большим трудом.

– Карманы проверь! – сюрпризов можно было не опасаться: для того чтобы заминировать мертвеца, у бандитов не было ни времени, ни возможностей.

Под ногами звенели бесчисленные, казалось, гильзы. С каждым шагом становились заметнее свежие сколы и воронки. Чей-то кровавый подтек, непонятная брезентовая рукавица. То, что осталось от второго поста... Следы колес на обочине...

– Вон! Здесь у них миномет стоял.

Виноградов приблизился: ржавый остов «запорожца», за ним – характерные углубления в щебне и два зеленых казенных ящика.

– Удрали.

– Сколько же мы их? Человек пять?

– Да нет, побольше... – Виноградов уже прикидывал предполагаемые потери бандитов. – Лукьянов с ребятами четверых, второй пост пару... И тот, в шляпе...

– Доложим – десять. Пусть, кто хочет, приедет пересчитает!

Спорить с Медведевым никто не собирался.

– Так и доложим.

Ожила радиостанция.

– Что? Не понял!

Сквозь треск и шелест помех удалось разобрать:

– Колонна на связи. Подходит!

– Надо встретить.

Возвращаясь, Виноградов взглянул на кордон глазами нападавших: мешки, неровная кладка стены, сырой флаг на погнутом шесте. Каски, мелькание камуфляжа. Это было последнее, что увидел тот, лежащий сейчас на обочине.

– Привет, служивые! – махнул беретом один из бойцов. От запыхавшихся чумазных бэтээров навстречу по-хозяйски вышагивал обвешанный оружием офицер-десантник. Следом, стараясь не оступиться, спешил крохотный связист в напыленной на глаза каске, торчащая из-за его плеча антенна упруго и радостно кивала капитану.

...Побриться и принять душ Владимир Александрович успел. А вот переодеваться не стал специально. Слухи об утреннем бое были в центре внимания широких станичных масс, питерские шевроны вызывали повышенный интерес, и капитан резонно претендовал на причитающуюся ему долю славы.

– Прошу прощения... – Первым встреченным оказался постовой в холле гостиницы.

– Да?

– Ребята рассказали. Те козлы что, смотались? К себе? Назад?

– Ну, видишь ли... – Виноградов не знал, стоит ли вдаваться в подробности. – Вертолетчики догнали их уже у самого поста ГАИ. То есть фактически на границе. И не решились. Правильно, наверное.

– Как это – правильно? Ни черта себе! Во дают!

– Ну, если с точки зрения нашей... Да, конечно, врезать стоило. Но! Потом последствий всяких дипломатических, вони, шума, гама... Доказывай, кто первый начал, на чьей территории... А так – завтра прессу отвезут, они напишут, снимут! Факт налицо.

– Да пропади они пропадом! Тоже – государство! Один полк спецназа да пара штурмовиков...

– Ладно, бывай. – Капитан, не оглядываясь, вышел на шумную, по случаю хорошей погоды, улицу.

...В краевом УВД рабочий день уже закончился, поэтому, поплутав по чистеньким и ухоженным коридорам, Владимир Александрович не сразу нашел дверь с нужной табличкой.

– Разрешите? – постучался он.

– Попробуй.

Заместитель начальника Управления по оперативной работе выглядел как персонаж милицейского сериала застойных лет: просветы на погонах, виски с налетом благородной седины, волевые челюсти и умный взгляд профессионала. В сущности, это был тот редкий случай, когда форма соответствует содержанию: полковник действительно считался классным сыщиком, любил жену и неплохо играл на аккордеоне. Два ранения и инфаркт говорили людям знающим больше, чем ряд пестрых ленточек над карманом кителя.

– Заходи, герой дня!

Что-то в начальственном голосе Виноградову не понравилось.

– По вашему приказанию прибыл.

Только сейчас он заметил Сеницына. Как-то странно посмотрев на капитана, оперативник не сказал ни слова и уткнулся в бумаги, разложенные на подоконнике.

– Садись.

– Есть! – Владимир Александрович к подобному приему готов не был, поэтому лихорадочно пытался сориентироваться в обстановке.

– Ишь, строевой какой! Говорят, ты раньше опером работал?

– Да. Восемь лет.

– Вот! Тем более! И так обосрался...

Опешивший капитан даже не сообразил, стоит ли возмутиться.

– Ладно. К несчастью, не ты один. Вон сидит – клоун Лопух!

– Товарищ полковник! В чем дело? Объясните. – Владимир Александрович почувствовал: случилось действительно что-то серьезное, и он, капитан Виноградов, каким-то образом... Или подставили? Кто? Сеницын?

– Объясняю! – Грозный хозяин кабинета устало мотнул головой: – Объясняю. Смотри!

Он взял пачку фотографий и припечатал ее к столу перед капитаном. Черно-белые снимки зафиксировали единственный объект – знакомую Владимиру Александровичу белую «двойку»: общий вид спереди, сбоку, сзади, пулевые отверстия в стеклах, крупно –

номерной знак. Подробно: туго набитые, уложенные вплотную один к одному полиэтиленовые пакеты в распоротом нутре сидений, под обивкой двери, в пустотах запасного колеса, еще где-то среди мешанины рычагов и тросов.

– Сам понимаешь – не зубной порошок. Что-то не понятно?

– Нет. Все ясно.

Задавать вопросы не имело никакого смысла.

– Как сопливых щенков! – Полковник снова начал заводиться. – Мало того, что машину не удосужились посмотреть, – нет, еще и сопровождающих выделили! Конечно, кто же сунется, если опер едет да еще автоматчик при всех регалиях. Сколько раз вас по пути к станции тормозили?

– Два. Один раз вояки, потом патруль казачий с милиционером. – Синицын отвечал еле слышно, снова и снова переживая недавний позор.

– Вот! Без вас черта с два бы он проскочил! А тут: ах-ах! срочно всем! нападение! бандиты! Какой уж тут досмотр...

Виноградов представил себе картинку: все точно, психологически рассчитано по высшему классу. Козлы мы безрогие! А Яниев этот – да, лихой парень, ничего не скажешь. Храбрый. Наглец, конечно, но...

– Как взяли?

– Как-как! Через каку... Чудом получилось, что военная разведка адресок пасла, у вокзала. Там их прапорщик один из отдела перевозок засветился.

– Мы у штаба с твоим бойцом высадились, – оперативник наконец решился вставить слово самостоятельно, – а старлей дальше поехал, сказал, к сестре. Обещал на обратном пути забрать... Ох, сволочь!

Он застонал и снова уткнулся в бумаги.

– В адресочке твоего дружка-наркомана и повязали с поличным, «контрики» повязали, а должны бы по идее – мы! Красиво взяли, с поличным: дали выгрузить часть, а остальное... – Полковник показал на фотографии. – Что делать будем?

– Не знаю.

– Под суд – за халатность? Или домой вас с позором отправить? Написать: так, мол, и так...

– Как считаете необходимым.

– Как считаю... Ладно, решим!

Все трое понимали: от скандала никто не выиграет. Скорее всего, полковник столкнется с «контриками», выдадут за совместную операцию, будто так и надо. Может, обойдется это в ящик «Абсолюта» да в пару ответных милицейских услуг...

– Разрешите идти?

– Иди пока. Вызову.

На улице уже загорелись фонари, а надо было еще дойти до госпиталя – намечалась капитальная пьянка у постели раненого бойца. Слава Богу, хоть хлопоты по отправке в Питер лукьяновского гроба взял на себя командир сводного отряда.

1994

Переходный период

Глава первая

*...если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж.
Псалом 126, 1*

Желтая вереница автобусов весело выкатилась на Садовое кольцо. Все заворочались, и Виноградов, выгибая шею, тоже попытался разглядеть в просветах между зданиями силуэт Белого дома.

И в этот момент раздалась первая очередь.

Посыпались стекла, подбитый «Икарус» замер на миг, а затем стремительно бросился в узкую щель ближайшего переулочка. За ним туда же устремились остальные автобусы.

– Во попали! – присвистнул кто-то у самой кабины водителя.

Виноградов увидел себя со стороны, сидящим прямо на полу, с задранными вверх ногами и бестолково торчащим стволом автомата.

– Щиты к окнам! – запоздало скомандовал один из комбатов.

Его едва расслышали – все звуки тонули в яростном грохоте пальбы: судя по позициям пристроившихся между брошенных легковушек солдат, лупили по высотному зданию на Новом Арбате. Куда-то на уровне десятого этажа.

– Оставаться на месте! Не высовываться!

В наступившей внезапно тишине защелкали пристегиваемые магазины. Кто-то передернул затвор. Толстый пожилой старшина, матерясь, сдирал чехол с обтянутого материей шлема.

И тут опять начали стрелять...

– Не спи, капитан! Замерзнешь...

Виноградов с трудом разлепил набухшие от усталости веки и на всякий случай передвинул поудобнее автомат:

– Уже.

– Что – уже?

– Замерз... Сколько сейчас? – Посмотреть на часы было лень.

– Около четырех. Да-а, не май месяц.

В темноте горящий напротив парламент почти не давал света, а редкие светящиеся окна соседних домов давным-давно погасли. Среди мраморных колонн вестибюля метался злой осенний ветер. Полуоторванные металлические жалюзи беспорядочно бились друг о друга со звуком, похожим на пулеметную очередь. Целых окон не осталось, и случайно застрявшие в огромных витринных проемах куски стекла то и дело срывались вниз.

– Как обстановка?

– А никак...

Виноградов все еще не мог окончательно проснуться. Тупая, липкая, как пот, усталость заполнила все – суставы, сердце, придавленную бронежилетом грудь, затылок в пластинчатой «сфере»...

– Чай остался?

– Хм-м... Сомневаюсь, однако.

– С-сукины дети! Целый день всухомятку...

То, что удалось найти после бандитов в разграбленных барах и буфетах, было уже давным-давно выпито. Водопровод в здании не действовал еще с первого штурма, некото-

рое время выручала предусмотрительность майора Сычева, но и прихваченный им из дома, несмотря на насмешки, цветастый полуведерный термос, видать, иссяк...

И ведь не то чтобы воды совсем не было – наоборот, ее вокруг было даже с избытком! Холодная вонючая влага сочилась из пробитых канализационных труб, ручьями стекала по обожженным стенам, чавкая под ногами и скапливаясь среди завалов переломанной мебели. Никому не приходило в голову попрекать творцов всего этого безобразия, пожарников – парни сделали все, что могли... Два высотных факела посреди столицы – это явно был бы перебор.

Виноградов опять вспомнил утреннюю картинку: короткое простреливаемое пространство перед мэрией, изготовившихся к броске милиционеров, рычащих от возбуждения, багровых и грязных, только что выведенных из боя муровцев – все вперемешку, рослые «гоблины» из групп захвата в бронированных куртках и масках, очкастые подполковники-опера, невесть откуда взявшийся корреспондент с одышкой и японской видеокамерой...

А рядом привычно и почти без суеты уже разворачивались пожарные расчеты, матовой резиной блестели их черные костюмы, кто-то что-то привинчивал, вытягивая за угол тонкую полоску шланга.

– На вашей стороне очаг... А здесь только на третьем пока! – перепачканный майор с молоточками в петлицах говорил по рации, не выпуская из зубов папиросу.

Белый дом тогда еще был белым, и речь шла о здании СЭВ...

Тяжко вздохнув, Виноградов поднялся со своего лежбища:

– Счастливо оставаться!

– Гуд бай.

Разогнувшись почти во весь рост – снайперы были главным кошмаром последних суток, несмотря на темень, рисковать не хотелось, – капитан проверил, всё ли на месте. Автомат, пистолет, подсумок с магазинами... Противогаз, нож, «черемуха»... Наручники, индивидуальный пакет. Штатный мегафон, немного жратвы и кое-что из тряпок засунуто в высвободившийся чехол из-под бронежилета – не тяжело и достаточно удобно.

Можно трогаться.

Под прикрытием обрушенных стеллажей Виноградов пересек вестибюль и оказался в одном из внутренних коридоров. Здесь было еще темнее, и тьма эта была доверху наполнена шепотом, сонными хрипами, скрежетом железа, потом и табачным дымом. Ориентируясь по редкой цепочке сигаретных огоньков, он двинулся вперед, стараясь ни с кем не столкнуться. В замкнутом, вместившем в себя десятки измученных людей пространстве это было почти невозможно, и пару раз капитана равнодушно материли.

Уже под конец пути он внезапно налетел на упершийся в живот ствол.

– Кто такой?

– Виноградов. Из отделения профилактики.

– А-а! Что слышно? – зашевелились где-то сбоку.

– Я с поста.

Кто-то разочарованно сплюнул, кто-то заворочался.

– Дур-р-дом!

Предстояло еще миновать галерею, соединяющую собственно здание с корпусами гостиницы...

– Саныч! Ты?

По сравнению с коридором тьма была уже не такой густой, и Виноградов почти без труда нашел старшину седьмого батальона:

– Здорово, герой дня!

– Тормознись! – Пахнуло перегаром, и капитан, присев в образовавшийся между телами промежуток, ощутил в руке теплый и, вероятно, не совсем чистый стакан.

– Выпьешь?

– Будь здоров! – Отказаться было неудобно, глицериновое пламя обожгло внутренности, оставив на языке миндальный привкус. Виноградов принял подмокший кусок хлеба и почти без отвращения заел:

– Ликер?

– Двадцать семь оборотов! Италия.

– Хорошо живете.

– Да вот... это самое... нашли. Имеем право?

– А кто спорит?

Он не кривил душой: старшина действительно имел право.

...Когда около полудня в толпе упал первый – парень в пальто и клетчатой кепке, – никто толком ничего не понял. Дико завизжали женщины, все заматались, бестолково пихая друг друга, кто-то попытался приподнять залитую кровью голову убитого... Затем тело унесли подоспевшие санитары, и на некоторое время площадка, с которой в просвет между деревьями открывалась увлекательная картина боя, опустела. Но уже минут через двадцать постепенно место недавней трагедии заполнилось вновь, сначала подростками обоих полов, потом вездесущими мальчишками, потом дядями и тетями всех социальных слоев и возрастов.

– Уйдите! Граждане, уйдите отсюда! Тут только что человека убили!

Но охочие до зрелищ самоуверенные москвичи и не собирались реагировать на крики автоматчиков.

– Быстро отсюда! Я что сказал? Пошли отсюда все!

Самые активные и пьяные из толпы огрызались, в лучшем случае отшучивались, а симпатичная студентка с распущенными длинными волосами все пыталась дотянуться до ближайшего милиционера букетом недорогих цветов.

– Уйди, дура! Уйди! – чуть не плача от бессилия, хрипел сорванным голосом Виноградов. Сняв с плеча мегафон, он шагнул на открытое пространство:

– Граждане! Соотечественники! Здесь простреливаемая зона! Немедленно покиньте... Закончить не удалось.

Первым, схватившись за лицо, откинулся навзничь пожилой мужчина. Стоящая рядом с ним девушка в кожаной куртке стиснула руками пах и молча осела на асфальт. Задело и еще кого-то – капитан не видел, метнувшись обратно под прикрытие бетонного козырька.

– Снайпер!

Это были не шальные пули – прицельный огонь велся откуда-то сбоку, со стороны упрямой среди высотных домов церквушки.

– «Королево», «Королево», я – «девятьсот седьмой»! – командир взвода уже вызывал по радиации бронегруппу внутренних войск.

– Щас уходить будет... – услышал капитан рядом с собой негромкое бормотание. Повернувшись, он увидел прищуренный глаз и вмятую в винтовочный приклад щеку батальонного старшины. Черный ствол СВД казался абсолютно неподвижным.

Несколько секунд Виноградов вместе с соседом напряженно всматривался в узорчатые своды колокольни:

– А точно оттуда?

Выстрел!

Стремительный силуэт на мгновение вырос над выкрашенными в белое перильцами, перевалился через них и, почти не касаясь стены, рухнул на землю. Капитану даже показалось, что он услышал мокрый звук разбившегося тела...

– Й-а-а!

По позициям пронесся шквал радостных воплей и веселого мата...

И в этот момент на колокольне опять зашевелились:

– Еще один!

Выстрел... Выстрел... Выстрел...

Позже выяснилось: битый жизнью, афганскими моджахедами и кавказскими боевиками, старшина на этот старый трюк не «купился». Снайпер, в общем, рассчитывал верно, сначала подставил под огонь грязный армейский чехол с напиханным в него спальником, бронежилетом и прочим уже ненужным барахлом, а когда прошитое пулями «тело» обрушилось вниз и стрелки расслабились, попытался проскочить к лестнице. Но... Виноградов потом ходил смотреть: две пули – в руку и в затылок. Лица не разобрать, только старый офицерский камуфляж и кроссовки на рифленой подошве...

– Слышно что-нибудь?

– Да я сам с поста, – в очередной раз пояснил Виноградов. – Узнаю что – скажу.

– Ну давай. Будь здоров...

Пригнувшись, капитан по прямой перебежал галерею и скоро уже стоял на пороге бывшей парикмахерской, сейчас занятой сотрудниками штабных отделений.

– Профилактика! А-у! – позвал он своих. – Где вы? Разобрать что-то в мешанине тел и амуниции было сложно.

– Виноградов! Давай сюда!

Спотыкаясь в темноте о какие-то ящики и провода, Владимир Александрович наконец оказался среди сбившихся в компактную кучу офицеров отделения профилактики:

– Чай остался?

– На, Саныч. Там остатки – для тебя специально...

Виноградов на ощупь принял из рук непосредственного начальника, майора Сычева, горячую крышку от термоса. Пару раз хлебнул.

– Хорошо... Но мало! Спасибо, шеф.

– Как там? Все спокойно?

– Нормально... Сейчас бы пожрать чего-нибудь.

– Кашу будешь? – подавший голос инспектор Шахтин имел в виду «Кашу гречневую со свиной тушеной» – такие банки выдали всем в качестве сухого пайка. Продукт был сытным, но очень соленым, к тому же в холодном виде представлял из себя желтый сгусток пахучего жира. – Больше просто нет ничего...

В голосе старлея звучало искреннее сочувствие.

– А черт его знает... Нет, наверное. Посплю лучше.

– Правильно! – одобрили из темноты. – Голодный волк быстрее бежит...

– Ты, что ли, Барков, голос подаешь? Свое все небось уже сожрал?

– Не надейся, не обломится!

– Ишь, халявщик!

– Тьфу на вас! – ругнулся старый приятель Виноградова сотрудник пресс-группы Витя Барков. – Саныч! Ты же интеллигентный человек, как ты с ним живешь?

Все знали – связываться с голосистым и дружным отделением профилактики не стоит. Заклюют.

– Готово!

Из угла, где расположились связисты, донесся сначала шум и треск помех, затем какое-то потустороннее завывание и уже только потом – постепенно набирающий силу голос диктора:

«...По неподтвержденным сведениям, в различных районах столицы силами внутренних войск и милиции проводится обезвреживание вооруженных групп террористов... Некоторые эксперты вспоминают сейчас недавние события в Румынии, когда специально подготовленные боевики расстреливали народ из окон высотных зданий... Представители армии отказались комментировать данные о количестве погибших при штурме Белого дома... Вопреки ожиданиям, события этих дней практически не повлияли на экономическую и политическую ситуацию в других регионах России; собственно, они ограничены Садовым кольцом столицы и напоминают внутреннюю „разборку“ нескольких, имеющих оружие и власть, группировок...»

Вновь завывало, затрещало, и даже отдельные слова утонули в шуме радиопомех.

– Маленькие люди не желают впрягаться в телеги больших дел, – афористично заметил Барков. Он любил излагать свои мысли красиво, иногда это получалось, и Виноградов обоснованно подозревал, что его приятель втихаря пишет стихи.

– А что там в Питере? Ничего не говорили?

– Да всё в порядке! Это же – не здешний базар... Пи-тер!

– Город высокой культуры!

– Случилось бы что – сказали!

– Да и наших там осталось... Достаточно!

Все разом загомонили, громко успокаивая себя и друг друга... Действительно, статистика, с которой по роду работы приходилось иметь дело собравшимся здесь офицерам, особых поводов для тревоги не давала. Судите сами.

В Москве десять миллионов жителей. В Санкт-Петербурге – пять. Приблизительно. Но когда на митинг в столице выходит пятнадцать тысяч человек – в Северной Пальмире не более полутора тысяч. Если на Красной площади соберется сто тысяч – на Дворцовой еле-еле десять. И такая закономерность, вне зависимости от партийной принадлежности и политических пристрастий, достаточно стабильна. Может, северо-западный темперамент жителей сказывается? Или бездельников поменьше? А уж если сравнивать количество эксцессов...

Умом это понимал каждый из сотрудников Санкт-Петербургского оперативного отряда милиции. Каждый из четырехсот человек, поднятых прошлой ночью по тревоге, экипированных, посаженных в самолеты и через час очутившихся за семьсот километров от родного дома.

В столице нашей Родины. На гражданской войне...

Воевала, собственно, армия.

Милиция занималась тем, чем ей и положено было заниматься: охраной общественного порядка на вверенном объекте, поиском и задержанием мародеров, изъятием оружия... Стреляли, правда, чуть больше, чем обычно, да наряд затянулся вместо привычных восьми часов аж на двое суток... А так – работа есть работа.

– Все нормально будет, – снял вопрос Сычев. – Обойдется.

Так уж получилось, что один Виноградов знал, насколько плохи дела у майора дома: отец больной, жена с тремя детьми осталась. Да и не у него одного кошки на душе скребли. Но – старший офицер, нельзя... Поэтому:

– Обойдется!

– Довели, мать их, народ до крайности! – не выдержал Шахтин. И никто не стал уточнять, кто именно довел, – сейчас одинаково относились и к «тем», и к «этим».

– Э-то точно! – поддержал его Барков. – Вообще до крайности никого доводить нельзя. Вот, например, из классической литературы...

– Заткнись, а?

– Нет уж, я скажу! – Инспектор еле уклонился от запущенной в него пустой банки. – Остап Бендер своими «прихватами» довел Кису до крайности... И чем кончилось?

– Бритвой по горлу! – отозвались из темноты, и офицеры нехотя засмеялись.

– Все! Достаточно! – рявкнул майор. – Разболтались...

Виноградов, под шумок занявший чье-то, почти целое, кресло, пристроил в ногах чехол с имуществом, туда же пихнул надоевший противогаз и подсумок. Под руку положил автомат и «сферу». Подумав, решил остаться в бронежилете – все-таки теплее, да и возиться с застежками не было уже ни желания, ни сил.

Кто-то храпел. Связисты мудрили над своей аппаратурой. В дальнем углу скреб ложкой по металлическому дну банки только что сменившийся с дежурства помощник начальника штаба...

И уже обыденным казалось – осень, холод, гражданская война.

Виноградов заснул.

Глава вторая

Вам нужно понять, что из себя представляет наша фирма. Мы – другие, и мы гордимся этим.
Д. Гришем. «Фирма»

Под аркой Виноградову пришлось посторониться – на улицу, натужно ревя и изрыгая вонючий дым, медленно выкатывался зеленый тентовый КамАЗ. Огромная машина с трудом вписывалась в габариты, и водитель, старый знакомый Серега Боровой, почти не отреагировал на приветствие: высунув от напряжения язык, он следил в зеркало заднего обзора за тем, чтобы не задеть бортами металлические створки открытых по такому случаю ворот.

– Приветствуем, Владимир Александрович!

– Здорово, ребята... – Капитан с удовольствием пожал протянутые руки охранников. – Неплохо выглядите.

– Стараемся! – улыбнулся тот, что повыше.

– Это ж совсем другое дело, – подтвердил его напарник, демонстрируя свою экипировку.

Действительно, одетые в серые непродуваемые комбинезоны с эмблемой фирмы на рукаве и высокие «штурмовые» ботинки, парни выглядели достаточно серьезно. В конце лета Виноградову большой кровью удалось убедить генерального ассигновать некоторую сумму на единую форму для всех сотрудников службы безопасности, и теперь охранники уже не были похожи на компанию штатских хулиганов, нацепивших рации и дубинки. Это, кстати, обошлось значительно дешевле «газовиков» и прочих необходимых аксессуаров, закупленных тогда же, а психологический эффект был не меньший, форма – великая вещь! Во многом определяющая содержание.

Черные вязаные шапочки, правда, каждый приобретал за свой счет...

– Дверь придержи! Дверь! – Сначала из темного чрева подвала показался зад, затем спина в драном свитере и, наконец, тронутая ранней лысиной голова завскладом Шилова. Он выволок за порог колоссальных размеров черную дерматиновую сумку, которую и сумкой-то вряд ли можно было назвать – скорее размером и формой это напоминало чехол от легковушки, и, застонав, отступил в сторону. Тут же во двор выскочили две бодрые обветренные пенсионерки, привычно похватили сумку за ручки и, оторвав свою ношу от заплывающего асфальта, просеменили мимо Виноградова.

– Привет героям мелкооптового фронта! – окликнул он Шилова.

– Здорово, здорово, мент... Видал? Чуть не умили – мало того что все нервы ни к черту, так еще и грыжа будет!

– Ну-у... Есть за что бороться.

– За что? За что! Это не зарплата. Это слезы! – Шилов мог бы так рыдать бесконечно, данное занятие ему нравилось совершенно безотносительно к реальному положению дел, поэтому Виноградов перебил:

– Вкусненькое что-нибудь появилось?

– Да есть... немного, – завскладом сразу же перешел на нормальный тон. – Вино хорошее, кукуруза, как ты любишь...

– Обязательно! Сейчас вот тут только... О-о! Это я удачно зашел!

– Лапы! Лапы убери! А то как сейчас... Проглотить! – Краснолицый повар в тельняшке и почти свежем халате одной рукой прижал к себе две большие банки огурцов, а другой, обремененной палкой сервелата, замахнулся на Виноградова.

– Дядя Вася! Только не по голове! – заверещал капитан, прикрываясь. В общении со служащими фирмы он давным-давно избрал для себя манеру поведения – этакий рубаха-парень, шутник и попрошайка. Это было удобно, некоторых обманывало, кое-кому льстило...

– Ладно тебе, Александрыч. – Василий, бывший судовой кок, людей и жизнь знал, насчет реального «расклада» в фирме не заблуждался и подыгрывал Виноградову так – исходя из своих собственных соображений.

– Чем порадуешь, дядя Вася? – полубопытствовал Шилов.

– Что дам – то и будет! – пресек праздные разговоры повар. Изловчившись, он потянул на себя хромированную ручку двери и ушел внутрь.

– Дрянь-человек, – грустно констатировал завскладом, – но готовит! От Бога... Так что ты давай, после обеда.

– Я, может, прямо сейчас успею, – кивнул Виноградов, обернувшись. – Как получится.

Он на секунду задержался у обитой рейками двери, значительную часть которой занимала упрятанная под стекло вывеска: «Производственно-торговое объединение „НЕФТЕГАЗОЙЛ-ПЕТЕРБУРГ“».

Главный офис с типичной заокеанской конторой: никаких тесных клетушек-кабинетов, все сидят вместе в одном огромном помещении на виду друг у друга, где генеральный – просто равный среди равных... Но на этом сходство и заканчивалось, переходя в свою прямую противоположность. Во-первых, помещение не было таким уж большим – просто комната метров двадцати, в которую впихнули полдюжины столов, компьютеры, вешалку для пальто и массивный стеллаж с канистрами и разноцветными колбочками причудливых форм и всевозможных размеров. Во-вторых, на семь нормальных рабочих мест постоянно приходилось не менее десятка претендентов: то из-за протечки приходилось давать приют бухгалтерам, то вдруг пожарник выселит из мастерской водителей-экспедиторов... А если добавить еще человек пять посетителей разной степени скандальности? А если сказать, что из всех телефонов половина «запараллелена», а вторая работает в режиме факса?

Виноградов с трудом протиснулся в дальний угол, бесцеремонно убрал со стула какой-то промасленный агрегат и уселся напротив плотного мужчины в накинутой поверх свитера кожаной куртке:

– День добрый!

– А, Володя! – Иван Иванович Орлов, человек, которого судьба закинула в сорок лет на хлопотную должность директора крупнейшей в регионе топливно-энергетической корпорации, оторвал от подписанных накладных осоловевший взгляд и кивнул: – Здравствуй... Поднимайся наверх, я приду сейчас.

– А там кто?

– Все. Все уже собрались... И я сейчас.

– Не-а! – капитан отрицательно покачал головой: стол Орлова обступали хмурые люди с какими-то срочными бумагами, на дальних подступах к директорскому окопу что-то орал недовольный мужик в спецовке, а нежный девичий голос из-за шкафа сообщал, что на проводе Грозный по поводу тех самых цистерн с бензином, которые... – Ни-ка-ких! Пошли вместе.

Минут через десять ему удалось чуть ли не на себе вытащить Орлова в коридор.

– Так вашу мать! – В полутьме они нос к носу столкнулись с Денисом Зайченко, худым длинным блондином в кашемировом пиджаке. Узел его шикарного галстука съехал набок, а вокруг распространялся запах сегодняшнего одеколona и вчерашнего коньяка. – Ты где болтаешься, Виноградов?

– Да так... В Москву тут ездили... – как можно равнодушнее ответил Владимир Александрович. По дороге он пару раз прорепетировал этот небрежный ответ, а потом и лаконичный, мужественный рассказ обо всем, реакцию бывалого бойца на восторженные вопросы...

Черта с два!

– Нашел, тоже мне, время! – фыркнул Зайченко. – Тут такое...

– Да-а, ведь верно... – протянул вежливый Иван Иванович. – Расскажешь... потом?

– Конечно, – обескураженно кивнул Виноградов. – Рассказывать, собственно, нечего...

– Вот именно, в рот их всех... И тех, и этих, – сплюнул Денис. – Не было печали!

– Да в чем дело-то?

– А ты что, не сказал ему? Нет? – Зайченко не глядя отшвырнул окурок.

– Не успел, – насупился Орлов. – Тут дело такое...

– Какое?

– Шеф пропал. Уже вторые сутки...

* * *

В году одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, когда капитан Виноградов еще гонял с переменным успехом спекулянтов у «Альбатроса», Иван Иванович Орлов тосковал в тиши райкомовского кабинета, а заключенный Шилов, по кличке Дизель, готовился к условно-досрочному освобождению, аспирант химико-технологической кафедры Виктор Маренич наконец защитился. Это было, конечно, здорово – престиж, умеренный достаток, симпатичные студентки на лекциях, но... Подхваченный пенистой волной кооперативного движения, честолобивый, общительный и нищий кандидат наук, не отгуляв даже заслуженный отпуск, начал набивать себе первые шишки в многочисленных исполкомовских кабинетах.

Начал он «под крышей» молодого в те поры Центра научно-технического творчества молодежи – они тогда плодились со скоростью неопишуемой, пока власти не поняли, что в этих конторах ни молодежью, ни тем более научно-техническим творчеством не пахло. Вскоре налоговые льготы отменили, но первоначальный капитал был уже нажит – оставалось им только правильно распорядиться... Виктор не стал выписывать из Германии «мерседес» или ангажировать сауны с девочками. Откупив за гроши угасавшее производство при своем институте, он стремительно наладил выпуск простых, дешевых, но вечно дефицитных пластмассовых «шелабушек» к автомобилям: от декоративных решеток до «повторителей», локеров и крышек трамблера...

Мареничу хватило ума не застрять на этой ступеньке – появились нужные связи, имя в определенных кругах. У Виктора оказалось все, что нужно, плюс немного везения: его родная сестра вышла замуж за немца, Эгона Мейера, владельца комплекса передвижных автозаправочных станций в половине Европы... дальнейшее было предопределено.

Сначала – аренда нефтебазы в пригороде. Затем несколько удачных «конверсионных» сделок с военными, уступившими по сходной цене господину Мейеру и его родственнику кое-какую технику, не подлежащую выводу с территории Германии: бензовозы, бульдозеры, трубоукладчики. Реэкспорт всего этого в Россию, создание собственной сети бензоколонок по Северо-Западу... Непременные – выгодные, хотя и чертовски рискованные – контакты с поставщиками автомобильного топлива из Чечни и его потребителями-прибалтами, баснословный подряд на строительство трансрегионального газопровода...

Человеком Маренич был уживчивым, не жадным, быстро поладил с властями, почти без потерь избежав сурового пресса государственного рэкета: многие вопросы он умудрялся решать там, где конкуренты безуспешно трясли многотысячными взятками. Что же касается рэкета не государственного... это разговор отдельный, но и там у Виктора все было

в порядке. В отличие от многих, в политику он не лез, хотя своих, прикормленных людей в эшелонах власти имел и при случае не чурался их использовать. На благо свое... и Отечества.

Виноградов и Маренич не виделись лет пятнадцать – практически с выпускного школьного вечера, с тех теплых и грустных белых ночей, когда мир вокруг казался таким прекрасным и доступным, друзья – талантливыми, девушки – как на подбор красивыми и добрыми... Закрутилось: вступительные экзамены, сессии, стройотряды, практика у черта на куличках, все более редкие звонки по праздникам, случайные встречи в метро – на ходу, второпях... Отрывки сведений от общих знакомых, телефонный номер, уже не переписанный за ненадобностью в новую книжку...

Когда судьба вновь свела Владимира Александровича с бывшим одноклассником, фирма Маренича «Нефтегазойл» представляла собой мощную корпорацию: две топливные базы, автозаправочные станции, неисчислимый парк грузовиков и бензовозов. Филиалы в Грозном, Уренгое, Сургуте, Таллинне... а также в Гамбурге и Каире, не говоря уже о всех российских областных центрах. Монопольные контракты с военным округом, пароходствами, с мэрией – на поставку газа, нефтепродуктов, на строительство наливных терминалов в Заливе. Свой банк, контора по операциям с недвижимостью, крохотная гостиница в заповеднике, медицинский центр и столовая для персонала, склад мелкооптовой продовольственной торговли и сеть лотков от Гражданки до Красного Села. Ресторан, казино и еще кое-что по мелочам.

А ведь как получилось? Случайно! Шел себе Виноградов из бани, а тут как раз со стороны кортов – «девятка». А в ней Маренич собственный персоной. Весь круче тучи – плащ от Кардена, лысина, шофер за рулем: «Ты?» – «Я!» – «Здорово!» – «Привет!» – «Подвезти?» – «Поехали...»

И дальше – слово за слово: «Ну ты крут!» – «А ты там же?» – «Да почти... Как дела?» – «Пока не посадили». – «Ха-ха!» – «Переходи ко мне, бросай ментовку, нет, серьезно...» – «А ты – что?» – «Да так, бензин, консервы, винишко... На визитку...» – «Все, приехали – метро». – «Давай, звони...» – «Ага...»

Под самый Новый год – приперло: в городе ни капли «девяносто второго», за паршивым «семьдесят шестым» на заправках очереди в километр; уж на что виноградовская старушка «пятерка» нетребовательна, но и ей, чтобы катиться, что-то в бак булькнуть надо! Пришлось отыскать засунутую в бумаги визитку:

- Алле! Виктор? Ой, простите, девушка...
- Это секретарь, добрый день. Что передать господину Мареничу?
- Виноградов беспокоит.
- Одну минуточку...
- А, Володя! Проблема? Понял... Приезжай, жду!

С того дня проблем с бензином у Виноградова не стало: кредитные карты «Нефтегазойла» принимались в любое время суток, почти на каждой АЗС и вне всякой очереди.

Разумеется, дружба дружбой, а...

– Послушай, Володя... Что ты посоветуешь? Тут такая ситуация...

Почему же не дать школьному приятелю дельный совет? Тем более – не как обойти закон, а напротив – как его нарушить? И чтоб интерес фирмы соблюсти? Маренич был достаточно умен, чтоб максимально использовать богатый опыт и неплохую профессиональную репутацию капитана милиции с десятилетним стажем: постепенно Владимир Александрович стал чем-то вроде приходящего референта при господине генеральном президенте...

Вскоре они, как говорится, «оформили отношения»: подписали договор, по которому гражданин Виноградов В. А. являлся «научным консультантом по проблемам текущей правовой практики». Договор с некоторой натяжкой Закону о милиции не противоречил, но поз-

волял, не таясь, присутствовать на разного рода серьезных переговорах Маренича, общаться с его партнерами. Да и вообще – при постоянной способности капитана попадать в какие-то довольно-таки темные и авантурные истории (того и гляди: если не посадят окончательно, то уж из органов можно в два счета вылететь...) стоило и о «запасном аэродроме» подумать.

Как сотрудника фирмы его закрепили за служебной столовой, что было приятно, и предоставили право отовариваться на шиловском мелкооптовом складе, что было не только приятно, но и весьма выгодно: для своих там был фантастический выбор снеди по ценам позапрошлого года... Виноградов смог понять, что ощущал инструктор райкома КПСС, только что допущенный к спецраспределителю, – душа и желудок были умиротворены, казалось, что удалось наконец достигнуть компромисса между служебным долгом и возможностью обеспечить себе сносное существование.

Звезда «Нефтегазойла» стремительно восходила...

Глава третья

*Мы не знаем, что с нами будет, где и как будет, но знаем точно,
что этого может и не быть.*

В. Балков. Неопубликованное

Обычно даже Профессору, при всем к нему уважении, курить в кабинете шефа не разрешалось. А тут дымили кому не лень – и сам Профессор, и Зайченко, и даже бледный Корзун, коротко стриженный мальчишка с растерянными глазами. В привычной атмосфере оперативного совещания Виноградов чувствовал себя достаточно уверенно, а вот Иван Иванович – тот страдал, то и дело заходясь кашлем и протирая слезящиеся глаза.

– Вы б хоть форточку открыли, – пожалел его капитан.

– А если подслушают? – подозрительно спросил Корзун.

Профессор махнул на него рукой:

– Делай, что старшие велят... Понадобится – и со стекол информацию снимут. Не говоря уж о «закладках». – Он обвел широким жестом облицованные дубовыми панелями стены. – Всевозможные розетки и штекеры – идеальное место для радиомикрофонов и прочей гадости. – И, повернувшись к Ивану Ивановичу, добавил: – Извините. Забыл совсем.

– Ничего-ничего, уже легче, – вдохнул свежий сырой воздух Орлов и жестом поблагодарил всех за работу. – Что еще?

– А ничего. Давайте сначала, но по порядку... Под запись.

Виноградов расправил примятые листы блокнота, придвинул ручку и потер затекшую спину. Быстрым взглядом obeжал присутствующих...

На кожаном диване в углу расположился Профессор – огромный рыхлый мужчина в очках. Дешевый костюм и помятый галстук позволяли безошибочно классифицировать их обладателя как сотрудника правоохранительных органов. Они с Владимиром Александровичем вместе «топтали землю» еще вокзальными операми, и если Виноградов считался любимым учеником знаменитого полковника Храмова, то Профессор был – самым умным. И прозвище свое он заслужил – лучшего аналитика не существовало по обе стороны фронта... В растрепанной голове этого майора рождались такие оперативные комбинации, о которых впоследствии с дрожью и холодом вспоминали на нарах те, кто имел несчастье оказаться в сфере его профессиональных интересов. Но... начальству не нужны были скандальные процессы с суетой адвокатов, звонками сверху и постоянной заботой о том, чтобы ниточки преступных связей оборвались вовремя, не затронув тех, кто составляет гордость и оплот демократии. Нет! Требовался «вал» выявленных преступлений, постоянные цифры роста раскрываемости и «предотвращения», поэтому Профессора заставляли оформлять протоколы на мелких жуликов, спившихся продавцов и ночных сторожей, соблазненных складской тушенкой. И стало ему жить и служить неинтересно. И начал он, по старой российской традиции, пить. И не просто пить, а спиваться, попал у начальства в разряд «плохих», отчего пить стал еще яростнее.

– Это лучшее, что можно купить в милиции за деньги, – шепнул Виноградов шефу, знакомя его с Профессором.

– Ты был прав, – подтвердил недавно Маренич данную Виноградовым характеристику. Всех их дел Владимир Александрович не знал, но догадывался – по уровню рентабельности на вложенный фирмой рубль майор значительно превосходил все приобретения последних лет, включая казино и спиртовой заводик в Твери.

Польза была взаимной. Профессор вновь нашел себя, воспрял, сошелся опять с женой и на лето даже вывез семью на Канары. Не на все, конечно, лето – так, дней на десять... Но все же!

Внешне Денис Зайченко был полной противоположностью виноградовского коллеги – высокий, худой и сутулый, он всегда одевался дорого и шикарно. Закончив на два выпуска раньше тот же, что и шеф, экономический факультет, он некоторое время прозябал в аспирантуре, потом без особого успеха занимался туристическим бизнесом, после чего нырнул наконец под крыло своего более удачного однокашника. И теперь, в должности заместителя генерального, а проще – главного администратора, обрел все, о чем мечтал: квартиру, почти новый БМВ, много шикарных вещей и выпивки. Что же касается женщин, то с этим у Дениса проблем не возникало никогда – был он, без сомнения, хамом, но хамом чертовски обаятельным, так что и обижаться на него казалось вроде как неловко... На некоторых, правда, чары не действовали, пару раз, даже на памяти Виноградова, доставалось ему по морде – и в обоих случаях Денис воспринимал это с неподдельным и искренним возмущением. В сущности, Зайченко был незаменим в «высоких» кабинетах стареющих дам и при организации разного рода презентаций и банкетов.

А вот Корзун был чертовски похож на Дениса – почти копия, только чуть поменьше коньяка и значительно больше спорта: костюм из того же магазина, прическа... В свои двадцать три он был болезненно самолюбив, храбр по неопытности, по той же причине нахален – и в целом вполне справлялся с обязанностями начальника службы безопасности фирмы.

Из них всех Иван Иванович Орлов выглядел самым тихим и беспомощным – типичный аппаратчик, «промокашка». Да и чего ждать от рядового инженера, оставившего когда-то родной НИИ ради мелкой должности в райкоме партии? Когда уже встававший твердо на ноги Маренич взял его к себе, многие воротили носы: зачем? почему? И только пара человек знала – был в жизни инструктора райкома Орлова поступок! Что в августе девяносто первого, после тех победных ельцинских указов, после запрета коммунистической партии, когда ее лидеры или попрятались по норам, или принялись иступленно каяться, он вместе со старушкой, помнившей еще тридцать седьмой и «ленинградское дело», пробрался среди бела дня в свой райком и под носом у милицейского поста спалил половину учетных карточек! На всякий случай. В ожидании репрессий... В фирме Орлов оказался человеком не лишним, с людьми работать умел и любил.

С Виноградовым они подружились.

– Итак... Что мы знаем точно? – Владимир Александрович размашисто отчертил широкую графу. – Первое. Тридцатого, в четверг, из сейфа Виктора пропадает семь тысяч баксов. Время – с полдевятого до девяти вечера. Входная дверь и сейф не взломаны, а вскрыты ключом. «Пальцев» нет, больше ничего не пропало – действовал профессионал...

– Это уже выводы! – подал голос Профессор.

– Согласен. Дальше... Вечером четвертого пропадает сам Виктор. И это уже посерьезнее.

– Надо определиться! Если одно с другим связано, то... – Зайченко нервно щелкнул зажигалкой. – Черт!

– Подожди ты... Попробуем сначала по обстоятельствам исчезновения.

– Хорошо. – Денис наконец прикурил и затянулся. – Я побывал в гостинице у Мейера. И он, и жена подтверждают, что Виктор ушел около одиннадцати, пешком. Собирался домой – он звонил от них Лене своей, сказал, что поймает такси и через полчаса приедет...

– Под балдой?

– Да нет... Мейер говорит – по бокалу красного за ужином... Он, ты же знаешь, не любитель...

– Как был одет?

– В смысле?

– Ну – что в руках? Документы какие были?

Виноградов понимал, что интересуется Профессора: человек в костюме из Парижа и с радиотелефоном в руке запросто может стать соблазнительной жертвой для любых хулиганов и просто шпаны с Невского. А если он еще и выпивши...

– Тут такое дело... Они с Мейером за город с утра ездили – русская экзотика, березки, баньки... Так что, кстати, и про эту заваруху с Белым домом узнали, только вернувшись. И одет был Виктор соответственно – джинсы, куртка...

– Поэтому и Женьки не было, – вставил Зайченко. – Шеф с немцем у «Астории» вышел, а тот Ленку домой повез, так чтобы потом прямо в гараж.

– Он меня сам отпустил! – обиженно поджал губы Корзун. – Я за ним, еще пяти утра не было, заехал. А потом за рулем сто километров...

– Успокойся! Никто тебя пока не обвиняет... Так что там – деньги, документы?

– Ну, паспорт у него всегда с собой – заграничный... Кредитка «Америкэн экспресс»... А денег точно не было! Шеф у меня, прежде чем отправить, «пятеру» взял – на тачку.

– Та-ак... Что в гостинице? Драки, скандалы в тот вечер были?

– Нет. Ничего. Швейцар его запомнил – вид уж больно дачный... Говорил – ушел, а из двери он не выглядывал.

– По двадцать седьмому? Двадцать восьмому? Пятому?

– Я сам по этим отделениям ездил, – кивнул Корзун. – Ничего! Менты говорят – ни задержанных, ни трупов...

– Ла-адно... Значит, вот что в первую очередь сделаем...

– Да подожди ты! Не забегай вперед.

– А это при всех вариантах надо. – Профессор глянул на Виноградова из-под очков. – Во-первых, группу к Ленке. Чтобы круглосуточно охраняли – ее и дочку... По полной схеме: квартира, парадная, подходы!

– Твоих хватит? – оторвался от пометок Корзун.

– Смотри сам... Да нет, пожалуй, человек пять надо. И пару машин...

– А что я ей скажу? – застонал Зайченко. – Она и так...

– Твои проблемы. Далее. Все объекты – на осадное положение: офис, склады, магазины и все остальное. Стационарные посты – сдвоенные, ментов подключайте. Сюда посадите резервную группу... Мишку нашли?

– Да.

– Вот, его ребят! И еще там – с ОМОНа, с «захватчиков»...

– Может быть, две группы? На всякий случай?

– Пожалуй... Да, пусть будут две! На все возможные телефоны – автоматические определители номеров. Проинструктируйте персонал, звонки фиксировать...

– АОНов не хватит, – задумался Орлов. – И раций бы еще пяток... Но ладно, это я сейчас pošлю – купим.

– Что у тебя вообще есть в хозяйстве? – поинтересовался у Корзуна Владимир Александрович.

– Три макарова, одиннадцать газовиков... Пять жилетов – но три из них армейские, неподъемные! И по мелочам: шокеры, дубинки, наручники, – перечислил начальник службы безопасности.

Глупых вопросов никто не задавал – присутствующие знали, что все это законно, лицензировано и получено благодаря связям Профессора раньше и дешевле, чем в других охранных структурах Питера.

Виноградов не любил, в принципе, оставаться на вторых ролях, но стоило признать – если капитан считался всего лишь наперсником и приятелем шефа, то Профессор был мозгом и ангелом-хранителем всей фирмы. Менять тут что-то было сложно, да и бессмысленно... Тем более что на суммах выплат это почти не отражалось.

– Хорошо. Всё – в дело! Бандитов нашли?

– Да, – кивнул Корзун. – К двум один из них обещал быть.

– Сам?

– Конечно! Я в двух словах намекнул...

– По телефону? – застонал Виноградов. – Надеюсь...

– Как Профессор учил: условной фразой, сигнал тревоги...

Видно было, что начальник службы безопасности не удержался и трепанул что-то от себя, но сейчас было не до воспитательной работы.

– Ла-ладно...

– Давай, Профессор, заканчивать семинар. Дело делать надо, а то опять по кругу пошли. – Виноградов иногда уставал от излишней академичности коллеги, сказывалась и профессиональная ревность.

– Хорошо. Я сейчас буду предлагать версии. Потом прикинем, что по каждой из них нужно сделать. Когда. Кому. Все коррективы – в рабочем порядке. Готовы?

– Поехали!

– Первое. Самое бредовое... Виктор решил нас всех послать и смотался... ну, скажем, в Штаты. Или куда там? В Грецию? В Польшу?

– Ерунда! В таком виде?

– И без денег?

– А кредитная карта? Сколько у него там? А, Иваныч?

– Не знаю... – с сомнением пожал плечами Орлов. – Можно уточнить, конечно... Ну и, понимаешь... Здесь все свои... Ксива-то здесь осталась!

Виноградов знать не знал, но догадывался, что шеф, подобно большинству предпринимателей российских бизнесменов, озабочился приобретением некоего солидного документа с собственной фотографией и всеми положенными печатями, свидетельствующими о том, что предъявитель сего документа является полноправным гражданином какого-нибудь неброского государства – Аргентины там, Италии, ну, на худой конец, Польши или Буркина-Фасо... Стоило это удовольствие не так уж дорого – от пяти до двадцати тысяч долларов. Натурализоваться с этой липой в Штатах или Германии дело было дохлое, но чтоб в случае чего покинуть родные пределы – вполне!

– Что – в фирме были срывы? Хреновое положение?

– Да нет... – задумчиво почесался Зайченко. – Я бы уж точно был в курсе.

– Кредиты гасили, с налогами разобрались... Нормальная ситуация, – уверенно подтвердил Орлов.

– Наезды? – повернулся Виноградов к начальнику службы безопасности.

– Ты бы знал! – резонно возразил Корзун.

– Личное? – поинтересовался Профессор.

– Да ничего из ряда вон... Насколько мне известно. – Иван Иванович был другом семьи, и тут ему можно было доверять. – И тем не менее! – подвел первую черту Профессор. – Свяжитесь с «Америкэн экспресс», дайте знать, что украдена карточка... Номер знаем?

– Да.

Постарайтесь выяснить последнее движение по счету и попросите взять на контроль попытку платежей.

– Будет сделано.

Какие визы у него открыты? Я имею в виду наш загранпаспорт.

- Немецкая, шведская, штатовская многократная... Да, эстонская!
- Виноградов, у нас есть кто-нибудь в транспортной?
- У нас все есть.
- Хорошо! Пусть проверят по кассам – авиа, железнодорожным, через порт... Заказ билетов на Маренича В. К. Ну и прочее – по полной программе. Фотография есть?
- Откатаем на ксероксе... А кроме наших, другие международные линии? «КЛИМ», «САС»? – подал голос Корзун.
- Ну что ты спрашиваешь? Только родился? Владимир Александрович научит, что делать...
- А если у него все-таки еще один иностранный паспорт был? На другую фамилию? – спросил Корзун с обидой в голосе.
- Тогда придется искать через таможеню, погранцов, службу... Для этого фотографиями и страхуемся, – примиряюще пояснил капитан.
- Та-ак... Больше по этой версии – всё! Нет?
- Наверное, – откликнулся Виноградов. Остальные промолчали.
- Поехали дальше. Допустим, шефа выкрали. И держат. Или уже убили...
- Типун тебе!.. Кто?
- Ты меня спрашиваешь? Может быть, те, кто сейф взял... Или совсем другие...
- Кстати, о сейфе...
- Это отдельный разговор, Профессор... Потом!
- Ага. Понял... – И, сменяя паузу, продолжил: – Допустим, Виктора выкрали. Значит, или следили, или его кто-то сдал. Из своих. Кто был в курсе его поездки с Мейером?
- Да все были в курсе! – вскинулся Зайченко. – Я, например.
- Я тоже знал, в принципе, – потер подбородок Орлов, – но...
- Тут получаюсь крайний – я! – вскочил Корзун с места. – Я и знал, и я фактически последний с ним общался.
- Если не считать Мейера...
- А Кожин знал? – вновь повернулся к Виноградову Профессор.
- Не по адресу... – Капитан перевел взгляд на начальника службы безопасности.
- Нет. Не знал! – твердо ответил Корзун. – Он сейчас в Уренгое на комбинате. Под контролем.
- Как договаривались. С первого, – кивнул Виноградов. – Завтра прилетают.
- Час назад парни, которые к нему приставлены, отзванивались. Без эксцессов, ведет себя, конечно, нервно, но...
- Так это он с сейфом? Точно? – подался вперед экспансивный Зайченко.
- Посмотрим... Завтра, бог даст, определимся...
- Я говорил, что это он! Вот поверьте, и шефа эта сволочь подставила! – Денис терпеть не мог второго заместителя и даже в лучшие времена не особо это скрывал.
- Осади! – Виноградов не уважал, когда танцуют на могилах, и счел необходимым остудить пыл Зайченко. – И ты мог. И Иваныч. И Корзун...
- И ты сам! И Профессор!
- Я не мог, – покачал головой Виноградов. – Я в Москве был. Мятежом занимался.
- Ах да... – с искрой заинтересованности блеснул очками Профессор. – Ну и как там? Расскажешь? Потом, когда с делами закончим? Время будет...
- Расскажу, конечно. Если интересно.
- Спрашиваешь! – возмутился Профессор, однако думал уже о другом. – Ла-ладно... Сейфом тогда пусть Виноградов и занимается, он начал. Помощь нужна?
- В рабочем порядке.
- Хорошо. Следующая версия. Если шефа грохнули... Смысл?

- Месть. Заказ чей-нибудь, например конкурентов. Ошибка...
- Просто шваль уличная, под горячую руку! – продолжил Орлов перечень возможных мотивов.
- Кто-то из окружения... Допустим, что шеф что-то узнал и тот человек потерял бы все... – желая выглядеть объективным, подхватил Корзун.
- Да-а... Если случайное убийство – тут попроще. Морги? Справочное ГУВД? Больницы?
- Проверяем постоянно. Ничего похожего.
- Нужно напрячь участковых, и пусть вместе с нашими людьми прочешут все чердаки, подвалы – хотя бы в районе гостиницы и его дома. Шпану пусть потрясут, ну и все прочее. Возьмешь на себя?
- Куда ж деваться, – кивнул Виноградов.
- Но ведь могли и по пути... И вообще...
- Без ориентировки по городу и области...
- Да если и пустить информацию – все равно никто толком заниматься не будет. Сейчас тысячи людей в розыске. У нас же и трех суток не прошло после исчезновения.
- Все равно в органы обращаться придется.
- Куда ж деваться, конечно! Но пока все равно заявление не примут... А! – обреченно махнул рукой Орлов. – Ленку жалко...
- Да не ной ты раньше времени! По другим мотивам есть у кого что сказать? – спросил Профессор, оглядывая всех.
- Не знаю.
- Личных счетов вроде не было... Конкуренция? Да нет, кажется, все вопросы нормально «разводили»...
- Это Кожин! Точно его дела! Если кража его – то и все остальное тоже!
- Профессор, может, действительно... моим ребятам... ну... вывезти его – в лесок? А? – Чувствовалось, что ничего ужасного в своем предложении Корзун не видит. Этакая невинная детская жестокость, роднящая балованных сынков из богатых семей и воспитанников строгой «малолетки».
- Непонятно? Решено же – сначала Виноградов... Потом посмотрим! – Профессор, когда надо, умел быть жестоким. – Пока остается только через бандитов, но это я сам... Если убили. И если похитили тоже... Ну и через этих параллельно! – Он кивнул в сторону Большого дома. – Тут тоже Виноградову придется...
- Да уж... – Ни для кого не были секретом сложные взаимоотношения капитана Виноградова с ребятами с Литейного. – Ладно...
- Смысл похищать? Обычно ведь выкуп требуют, еще что-то...
- Да, а тут все-таки уже вторые сутки... Те же должны понимать, что мы могли сдурить уже в ментовку сунуться...
- О-хо-хо! Не вяжется что-то.
- Мать-перемать! А если нотариаты, юридические консультации перекрыть? Вдруг там насчет квартиры, того-сего?
- Мысль хорошая. Но чуть опоздала – на годик этак.
- Почему это?
- Это тогда можно было только через консультации все оформить, и было их раз-два-обчелся, по пальцам пересчитаешь! А сейчас? Одних частнопрактикующих нотариусов больше, чем постовых на улице... Вези любого на дом или еще куда. Были бы деньги!
- Да-а... Что ж делать?
- Ну, мы с Виноградовым определились. А вам? Вам – ждать. И не суетиться пока!
- Когда опять собираемся?

– Завтра, я после работы подъеду, если ничего экстренного не накопает. Володя, сможешь?

– Нам три дня дали выходных.

– Отлично!

– Да, вот еще! – спохватился вдруг Зайченко. – А менты его забить не могли? Ну там – задержали, он «дернулся», начал права качать. А потом они концы в воду?

– Ну что ж... – Профессор сделал себе пометку и закрыл блокнот. Виноградов, а за ним все остальные сделали то же самое. – Мы тут с коллегой еще чуть-чуть покумекаем...

– Хорошо. Счастливо оставаться. До завтра! – Все, за исключением Владимира Александровича, потянулись к выходу...

Глава четвертая

Есть и такие, которые... служат своей жадности; эти худшие из всех.

Ф. Петрарка

Если представить себе «Нефтегазойл» схематически, то, как и большинство устойчивых систем, он напоминал некую пирамиду. На вершине ее безраздельно властвовал Сам Генеральный Президент, в миру г-н Маренич. Чуть ниже располагались четверо: директор корпорации Орлов, Денис Зайченко – заместитель Генерального по всяким суетным вопросам, главный администратор, или, как он любил кричать, когда были срывы, депрессии, «прислуга за все», еще один заместитель – Кожин, отвечавший в фирме за коммерцию и, так сказать, соцкультбыт, а также милейшая женщина – главный бухгалтер Екатерина Ивановна, которая в последние полгода, впрочем, постоянно болела, и даже балансовый отчет ей возили на подпись домой – и такое положение вещей в известной степени устраивало обе стороны.

На следующей ступеньке лестницы располагались Корзун, Шилов, начальники многочисленных отделов и служб, президенты дочерних фирм и директора иногородних и иностранных филиалов. В самом низу – многочисленный штат охранников, водителей, рабочих, клерков... В этой схеме Виноградова и Профессора можно было бы изобразить некими кудрявыми маленькими существами со стрекозиными крылышками, что порхают заботливо у головы Генерального и нашептывают в его сиятельные уши всякие полезные вещи.

...Оставшись один, Владимир Александрович отодвинул исписанный блокнот и достал из портфеля безликую картонную папку с объяснениями. Первой была подколота докладная записка охранника, из которой следовало, что тридцатого сентября, в двадцать один час ровно, прибыв по сработавшей сигнализации в корпус № 2 фирмы, он обнаружил открытую входную дверь. Проследовав внутрь, увидел, что находящийся в комнате переговоров сейф также вскрыт, распахнут и при «визуальном осмотре» – Виноградов хмыкнул – оказался пустым. Никаких других нарушений охранник не обнаружил, сразу же по телефону попытался поставить в известность руководство, а затем, по согласованию с присутствовавшим при этом Кожиным, вызвал милицию. До приезда наряда и оперативно-следственной группы обеспечивал охрану места происшествия... и так далее.

Владимир Александрович сделал по старой сыщицкой привычке несколько пометок на большом листе бумаги, а затем взял следующее объяснение. Начальник склада мелкооптовой продовольственной торговли Шилов писал, что где-то между полдевятого и девятью часами вечера того же тридцатого числа закончил работу, запер и сдал под сигнализацию закрепленное помещение, после чего прошел в соседний двор, в корпус № 2, чтобы передать генеральному директору Мареничу образцы поступивших товаров. Продукты передал Мареничу во внутреннем дворе, в комнату для переговоров не заходил.

Пометок на «рабочем» виноградовском листке прибавилось. Владимир Александрович перешел к тому, что сообщил Борис Иванович Кожин. А Борис Иванович писал почти слово в слово то, что было в первом из прочитанных объяснений: находясь в главном офисе, в двадцать один час приблизительно услышал сигнал тревоги и вместе с охранником прибежал во второй корпус. Дверь и сейф обнаружены вскрытыми, поблизости никого видно не было. Так как Маренич, Корзун и Зайченко только незадолго перед тем уехали и связаться с ними было невозможно, он, Кожин, взял ответственность на себя и дал указание вызывать милицию. Наряд приехал через десять минут... и так далее.

Денис Зайченко – почерк у него был крупный, нервный – пояснил, что после окончания совещания у шефа он ушел из корпуса № 2 вместе с Кожиным и Корзуном, потом вместе с Корзуном уехал, а позвонив в охрану фирмы в начале десятого, узнал о краже из сейфа. Вернувшись в офис, сделал письменное заявление от фирмы, которое потом подписал шеф, и вместе с Шиловым присутствовал при осмотре места происшествия в качестве понятого...

Дальше следовали: ксерокопия заявления, копия протокола осмотра, милицейская справка, несколько других бумажек.

Виноградов соединил все это скрепкой так, чтобы исписанный им самим лист оказался первым... Начиналось самое интересное: общение с фигурантами.

– Ну, рассказывай!

– Да чего... Я ж уже писал... И следовательно потом... – смущенно пожал плечами охранник. Они стояли вдвоем посреди двора, и капитану приходилось задира́ть голову, чтобы следить за выражением лица этого парня.

– А теперь мне. Пожалуйста. – Улыбка у Виноградова получилась такая, что охранник поежился. – Будь любезен.

– Ну... Когда сигнализация сработала...

– Стоп! Давай сначала. У тебя суточный график?

– Да. С десяти до девяти. А в двадцать два выходит второй, чтоб в ночь не одному.

– К восьми часам кто здесь оставался?

– Здесь?

– Да, в головном офисе.

– Я был... И Володя Шилов. Больше никого.

– А во втором корпусе?

– Ну, там совещание было. Маренич, потом Корзун, Зайченко, Кожин.

– И дальше? Поподробнее.

– Где-то в полдевятого, может чуть позже, Шилов ушел, и почти сразу же появились те, кто у шефа был... И Корзун сказал ставить второй корпус на сигнализацию, ну, в смысле, что шеф уехал.

– Ты сразу же поставил?

– Да. Это прямо при Женьке Корзуну было, он как раз в дежурке расписывался в книге!

– Допустим... А потом? Все нормально?

– Да, сигнализация «схвати́лась» сразу, без проблем... А то иногда бывает...

– Я знаю.

– Вот... А потом Женька с Зайченко уехали, минут через десять.

– Не сразу?

– Нет. Денис все суе́тился, у него что-то там срывалось... Он даже в дежурку забегал, звонил, не мог дозвониться.

– А почему не от себя?

– Не знаю, – пожал плечами здоровяк.

– У него же там телефон – фирменный, с трубкой дистанционной, с автодозвоном. Зачем же из дежурки звонить?

– Не знаю. Я с Корзуном во дворе был... А потом они сели в машину и уехали.

– А Кожин?

– Он как вернулся от шефа, так, по-моему, сразу в кладовку ушел. И спустился, когда нас двое осталось. Минут без десяти девять.

– И что делал?

– В смысле? Ничего... Вынес пять упаковок пива, из представительских... Но он имеет право! Мне так объяснили, что...

- Все правильно. К тебе – никаких претензий!
- Ну! Он мне эти упаковки даже дал поддержать, пока с ключом возился – замок в машине заело. Потом открыл, попросил двигатель послушать, ну и вообще...
- А ты в машинах сечешь?
- Ну-у, кое-что понимаю! Он, кстати, тоже звонить бегал, сообщить, что задерживается.
- В дежурку?
- Да. Я ж ему сказал, что Денис... Точно! Вспомнил! Зайченко не мог свою трубку японскую найти! Поэтому и звонил от нас. А Женька сказал, что это, наверное, Иваныч ее опять куда-нибудь запихал... Точно!
- Видишь, как здорово! – хлопнул по плечу охранника Виноградов. – Вот что значит – мы с тобой хорошо друг друга дополняем.
- Ага! – расплылся в улыбке польщенный парень. – Кожин не поверил сначала, но тоже трубку не нашел, поэтому и звонил из дежурки... Первый раз не дозвонился, потом мы зажигание выставили... Кстати, когда он второй раз пошел звонить – тут сигнализация и сработала!
- Да ты что!
- Ну! Мы всё сразу бросили – и туда, на второй корпус...
- Хорошо хоть вдвоем!
- Еще бы! Кожин, конечно, не боец, но... У меня – газовый ствол, у него тоже – свой, личный оказался. Все-таки!
- Конечно... Через сколько вы там были?
- Да через минуту. Ну – полторы от силы! Он даже машину не запер – сразу рванули.
- А пока улицу перебегали – автомобилей каких-нибудь подозрительных, людей...
- Нет, следователь спрашивал. Из-под арки точно никто не появлялся, а по пути... Нет. Ничего не заметил, – понурился охранник.
- Следы? Еще что-нибудь?
- Нет. Сразу было видно – дверь тяжелая, металлическая. Приоткрыта. Мы сразу внутрь: в туалете никого, а больше из помещений – «предбанник» и комната переговоров. Никого! Спрятаться негде...
- Я знаю. – Виноградов прекрасно представлял это крохотное помещение, использовавшееся обычно для нерекламируемых встреч.
- Вот... Сейф – настезь. Пустой. Замок вроде не сломан.
- Да, судя по всему, и дверь, и сейф открыли ключами, – доверительно поделился информацией Владимир Александрович.
- Похоже... Но точно знал, что брат, ни ящики, ни столы не тронуты. Магнитофон, копировалка, телефоны... Всё на месте.
- Маренича пытались найти?
- Нет! Он же еще ехал тогда, а радиотелефон им отключили...
- Давно?
- Еще летом... Ну а что? Кожин тоже начальник. Он и велел милицию вызвать. И правильно, по-моему!
- Абсолютно! – кивнул капитан. – Ты молодец. Хватка есть. И мозгами работать умеешь... Ладно, с этой историей разберемся – и еще поговорим с тобой. Но сейчас – чтоб как умерло! Понял?
- Нет вопросов!
- Вообще, сказать человеку приятное не так уж сложно. Это не требует каких-то особых временных или материальных затрат, но эффект зачастую дает великолепный, особенно если не слишком кривишь душой. Впрочем, мысль эта была задолго до Виноградова и зна-

чительно более элегантно высказана одним выдавшим виды испанцем – тем удивительнее, что мало кто возвел ее в жизненный принцип.

– Так ты зайдешь, ваше благородие? А то ведь уеду... – Перехватив взгляд Владимира Александровича, невесть когда возникший поодаль Шилов выбросил изломанный окуроч и, не дожидаясь ответа, скрылся в темном проеме.

– Иду! – отозвался в пустоту капитан и, попрощавшись с улыбающимся охранником, направился вслед очередному «фигуранту»...

Шилова в «Нефтегазойле» уважали за исключительную деловую порядочность, знание людей и способность не теряться в присутствии власть имущих – будь то кавказские авторитеты на иномарках или инспектор местного пожарного надзора. Начав три года назад со взятой «на комиссию» упаковки голландского маргарина, он стремительно раскрутился, пошел в гору, и кое-кто даже прочил Шилова на место заместителя по коммерции. Некогда почти убыточный, его склад теперь приносил стабильную и вполне ощутимую прибыль, несмотря на то что часть товара отпускалась своим по цене закупочной и даже подчас ниже.

Пил Шилов только дешевые портвейны, не курил, матом не ругался, верхом литературы считал роман Энрике Бурдовеса «Смерть под израненным кактусом» и внушительных размеров критические статьи Топорова...

Мало кто знал, что карьеру свою Володя Шилов начал экспедитором на областной овощебазе, по молодости и сопливости своей сел, честно оттрубил свой «шестерик» в архангельских лесах и вынес оттуда стойкую и глубокую неприязнь к людям в форме, язву и стремление покинуть родину с суммой, достаточной для безбедного существования где-нибудь в теплых тропиках. Он легко переносил подтрунивание окружающих по поводу вечно затрапезного вида, питался принесенными из дому бутербродами – и копил, копил, копил свободно конвертируемую валюту.

К Виноградову он относился неплохо, чувствуя в капитане что-то не до конца милицее.

– Пытать будешь? – поинтересовался Шилов, когда тяжелая дверь склада закрылась за последним на сегодня покупателем.

– А надо? – в свою очередь спросил Владимир Александрович, запихивая в сумку оплаченную по оптовой цене снедь. – Как скажешь.

– Присаживайся. Чифирнешь?

– Давай.

Склад представлял собой тесный сводчатый подвал, сухой, с облезлыми кирпичными стенками и парой мощных запыленных ламп. Продукты были здесь повсюду – в шкафах, на стеллажах и поддонах, штабелями нескрытых коробок и россыпью заползали на одинокий письменный стол, нависая над входом и путаясь под ногами. Ориентироваться в этом бедламе мог только хозяин да работавшая с ним до недавнего времени жена – сейчас она ходила на сносях и в «Нефтегазойле», естественно, не появлялась.

– На меня думаешь? – Пробуя дымящуюся жидкость, Шилов держал металлическую кружку обеими руками, не боясь обжечь загорелые ладони.

Виноградов пожал плечами.

– Зря! – Шилов вздохнул и замолчал.

– Расскажи, как было. С конца дня...

– Ну как... Я уже домой собирался – шеф звонит. Попросил пару упаковок «Варштайнера» и еще чего-нибудь для какой-то бабы из мэрии... По внешним связям, кажется. Не знаю, не суть... Я подобрал, все запер и пошел к нему. По пути этих встретил – ну, Кожина, Дениску и пацанчика твоего, «казака-разбойника»!

Виноградов хмыкнул, ему было известно, что начальник службы безопасности знал, что Шилов не принимает его всерьез, и страшно на это обижался.

– Шеф уже в машине сидел, заводился. Я жратву отдал – и все, привет. Домой ушел. А он со свистом – мимо. На своей тачке.

– Ну?

– Что – ну?

– Тетка... Ты зачем вернулся? А?

– Эх, начальник... Все-то тебе знать надо! Ты про протокол?

– Ага. Ты ж там понятым обозначен?

– Да... Ладно! Ирка, жена, меня послала. На склад, за картошкой.

– За чем? – оторопел капитан. – За чем?

– За картошкой! – Шилов встал и поманил за собой собеседника. – Вот. – В крохотном закутке между штабелей с маринованными шампиньонами прятался большой фанерный ящик, почти доверху наполненный корнеплодами. Центнера два, если не больше. – Запасы на зиму – тепло, не сыро...

– Шеф знает?

– Никто не знает.

Виноградов кивнул.

– Понятно... Маренич бы за такое овощехранилище... А почему во второй корпус пошел? – Капитан прикинул: тетка живет у Витебского, туда полчаса, обратно... Вполне возможно.

– А я что – без глаз? Машина ментовская на улице, охранник суетится...

– Убедил! – махнул рукой Виноградов. – Пошли допьем – остынет.

...Владеть собой Корзун не умел совершенно.

– Вы это в каком смысле?

– В самом прямом. Почему у меня нет твоего объяснения?

Для беседы с начальником службы безопасности пришлось вернуться в кабинет генерального – собственный корзуновский недавно залило со второго этажа, а в других помещениях постоянно сновал народ.

– Вы что – меня подозреваете?

– А у меня есть основания?

– Не знаю... – Парень был растерян и обижен, Виноградов видел это. «Ладно, пусть учится...» – решил.

– Итак... Маренич на склад при вас звонил?

– Да. Он Шилову велел книги какие-то занести... Я особо не слушал.

– Та-ак... Потом закончилось совещание...

– Да. Мы втроем пошли в офис.

– Дверь кто запирает?

– Шеф сам.

– Без проблем?

– Конечно. Иначе бы сигнализация не «схватилась», а боец ее при мне ставил, там на пульте рычажок и контрольная лампа...

– Я видел. Когда возвращались, кто-нибудь навстречу...

– Да. Шилов... Мы еще немного в офисе побыли, а потом Зайченко ушел. А Кожин остался.

– А почему не сразу уехали?

– Владимир Саныч, тут такое дело... Мы с Дэном должны были с бабами встречаться. В полдевятого. Да задержались у шефа. Вот Зайченко сразу и кинулся к телефону, «стрелку» перебивать. На девять.

– А почему он в дежурку звонить бегал?

– Вот уж чего не пойму!.. Он сказал, что куда-то трубка его подевалась, но тут вот что странно: мы когда уже после всего вернулись, часов в одиннадцать, она на месте была! Точно! И я ею пользовался, и все...

– А Зайченко когда в дежурку заходил – он там один оставался? Не помнишь?

– Черт его знает! Один, наверное... Точно! Один! Кожин где-то тихарился, а я во дворе с бойцом... Вы думаете, он мог сигнализацию того?

– Мне нравится ход твоих мыслей, коллега. Ну-ка еще!..

– Мы в Катькин садик к девяти приехали, девок не было – смотрелись, наверное. Чуть подождали, потом Дэн на всякий случай решил в фирму позвонить, может, они на связь выходили... а потом плюнули на все и вернулись в офис. Вот тут и закрутилось...

– Почему там баксы оказались? Обычно же...

– Случай! Чистая невезуха – стечение обстоятельств: Кожин что-то купить должен был, шеф в банке деньги получил в обед, привез. А что-то там в последний момент не срослось, как обычно у этого клоуна. Человек должен был к восьми приехать, мы его, собственно, и ждали во втором корпусе. До полдевятого просидели зазря – шеф Кожина отодрал, как чушка последнего... Тот клялся, божился – мол, завтра с утра, кровь из носу! Мудак! Ну и оставили деньги на ночь – Маренич торопился, не стал их туда-сюда в главный корпус таскать... Знать бы!

– Значит, про деньги в сейфе знали Зайченко, ты, Кожин?

– И сам шеф! – сыронизировал Корзун.

– И сам шеф, – согласился Владимир Александрович, складывая в папку бумаги...

А вот с Зайченко удалось переговорить только под конец дня: Виноградов почти силком вытащил его из-за руля:

– Саныч! Времени – ни минуты! Люди в «Астории» ждут, будет скандал международный...

– Денис, родной! Всего два слова... Ты когда с совещания пришел насчет кожинской сделки...

– Да хрен с ней, с той историей! Плевать на баксы! Ты скажи, про шефа есть что-нибудь? Нет?

– Нет ничего. Нету!

– Ну так и занимайся делом! Ищи! Мы тебе деньги за что платим?

– Пошел ты... Сядь! Сядь, тебе говорю! – рявкнул Виноградов так убедительно, что Денис разом стих и довольно внятно ответил на все интересовавшие капитана вопросы: да, кабинет он обычно не запирает – там воровать нечего, тем более чертову уйму денег тратят на этих охранников-дармоедов... да, трубку телефонную тогда не нашел – обычно он ее в верхний ящик стола прячет, на всякий случай, а тут она в среднем оказалась, но, кажется, он там после совещания искал, хотя и не уверен... нет, он не обращал внимания в дежурке, стоит на втором корпусе сигнализация или нет, это не его, заместителя генерального, проблема... и вообще. Кожин – бездарь и козел, если бы не его «пролет» с покупкой комнаты, шеф бы не снял деньги и не оставил их в том долбаном сейфе! И дело тут не в деньгах – плевать на них, невелика сумма, а вот что с Виктором – это действительно...

После того как Зайченко, взревев всеми лошадиными силами «Баварских моторных заводов», умчался делать для фирмы очередной миллион, Владимир Александрович вновь побеседовал с Корзуном, потом провел почти час в бытовке грузчиков, несколько раз прошелся до второго корпуса и обратно, остановившись в конце концов посреди двора.

Завтра должен был вернуться Кожин, но уже сейчас Владимир Александрович был уверен, что вычислил негодяя. Оставался суший пустяк – заставить его признаться...

Глава пятая

Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было...

М. Зоценко

Наступивший день начался со лжи.

– Да что ты, Леночка, что ты! Он только вот час назад звонил из Таллинна... – Денис приглашающе махнул Виноградову, ловко придавил пальцем кнопку телефонной трубки, отключаясь от собеседницы, и пояснил:

– Жена шефа... Уже достала!

После чего вернулся к прерванному разговору:

– Да нет! Не накручивай ты сама себя! Первый раз, что ли?.. Да я сам к тебе на Юго-Запад прозвониться не могу по полчаса!.. Ну что ты все – интуиция, сердце! Смотри, накаркаешь... Хорошо! Понял я, понял! Если позвонит – передам... И охране оставлю информацию... Все! Пока!

– Но она же не дура, – уже почти спокойно прокомментировал услышанное Виноградовым Денис. – Бабы – они чувствуют всё, как кошки...

– Ничего?

– Абсолютно... Просто сумасшедший дом: все разыскивают Маренича, всем он нужен... Мейеры телефон оборвали, завтра шведы... За кредит по бензину надо рассчитываться. Да вообще куча всего!

– А что сделано?

– Ты меня спрашиваешь?

– Ладно-ладно... Сам уточню. Извини.

– А-а... Ерунда! Знаешь, хорошо бы... Может, шеф сейчас загудел у какой-нибудь суки драной, блин, кувыркается там с ней... Болт на все забил! А мы суедемся?

– Это уже было. «Шведская спичка», рассказ такой – не читал?

– Не помню...

– Классика. То ли Чехов, то ли еще кто-то... Да не в этом дело.

– А в чем? – вздохнул Зайченко.

– Мы же это тоже отрабатываем. Но вряд ли тут то, о чем ты говоришь. Ты сам его лучше знаешь... Похоже на Виктора?

– Нет.

– Вот и я думаю... Кожин здесь?

– Здесь! – оживился Денис. – Все – как ты просил...

– Да ну?

– Точно! Прямо с поезда – сюда. В офис. Сидит один в комнате... Мать честная!

– Что такое?

– Уже десять? Ты прямо сейчас к нему?

– Не-а... Пусть еще «погреется».

– А можно я... поприсутствую? А? – В глазах Зайченко забегали злые искорки. – Ты уверен, что он расколется?

– Посмотрим, – пожал плечами Виноградов. – Попробуем... А насчет тебя – нет! Я, знаешь, и секса группового не любитель, а тут...

– Ладно. Не спорю... А то Корзун все в бой рвался – вывести в лес, яму выкопать!

– Это грубо. И, как говорили в одной книжке, «не по-европейски». Тем более что при таком раскладе я, например, признался бы даже в изнасиловании шиловского попугая... Толку. Как он ведет себя?

– Ну – как... Поесть попросил, пару раз в сортир рвался... Все меня или шефа хочет увидеть. Но «быки» – строго по инструкции, никаких разговоров!

– Пишет?

– Да чего-то там такое...

– Ничего, пусть пока старается! В туалете-то за ним смотрели?

Денис злорадно улыбнулся:

– А они его не пустили. Чтоб терпел – привыкал!

– Мудаки! – побелел Виноградов. – Ублюдки! На хрен! И «быки» эти долбанные, и ты сам! Тебя кто этому учил? Я? Профессор?

– Са-аныч!

– Я тебе что говорил, а? Что? – Капитан был настолько взбешен, что Зайченко на миг пожалел, что охранники далеко и не услышат, если вдруг...

– Ты успокойся, Саныч!

– Я тебя, сука, чему учил? Если человек – говно, накажи его! Разори! Убей, в конце концов! Но не унижай! Не у-ни-жай, понял?

– Я понял, Володя... Понял!

– Пошел ты...

Виноградов подхватил сумку и вышел, громко хлопнув дверью.

...Кожин стремительно поднялся навстречу Владимиру Александровичу:

– А где Виктор?

– Иди... Отлей! – Борис Иванович не решился подать капитану руку, поэтому Виноградов, не глядя на него, обошел стол и уселся спиной к окну. – Я приказал – там пустят.

Глядя в спину измученного ожиданием коммерсанта, Виноградов досадливо поморщился – игра получалась грязная. Не по-джентльменски. Существовали вещи, которые он не позволял себе даже в щенячий период милицейской карьеры, а уж тем более после всего... Пропадал азарт охотника, кураж – ему теперь было просто жалко этого несчастного, запуганного и униженного мужика, что, безусловно, мешало работе.

В принципе, на оперативном жаргоне это называлось «подогрев» – подозреваемого приглашали в отделение, мурыжили час, два, три в коридоре, не объясняя причины и отделиваясь поначалу вежливыми, а затем все более резкими репликами, иногда подсаживали кого-нибудь из своих. Мимо проводили скованных наручниками бандитов, носили коробки и ящики с конфискатом, – и когда бедняга, перебрав в уме все свои мыслимые и немыслимые прегрешения, осознавал собственное ничтожество по сравнению с колоссальным аппаратом государственного подавления, холодным, равнодушным и беспощадным, вот тогда за него и принимались всерьез.

Срабатывал этот старый как мир милицейский прием отнюдь не всегда – человек искусный, прошедший, скажем, тюремные «университеты», на такую дешевку не ловился, но...

Виноградов пролистал пачку исписанных Кожиным листков – отчеты об истраченных за год суммах. Представительские командировочные... По указанию Владимира Александровича коммерсанта «озадачили» – попросили подробно расписать, куда девались выдававшиеся ему деньги, и деньги, по меркам простого милицейского капитана, немалые. Владимир Александрович наметанным глазом бывшего обэхаэсника, «бэха», с ходу усек пару скользких и явно ловимых позиций... Да-а, нечестен, неискренен был перед фирмой господин Кожин. Приворовывал помаленьку... Одних этих бумажек было бы достаточно для того, чтобы под зад коленкой, без выходного пособия...

– Ты будешь мной заниматься? Да? – Борис Иванович покончил с физиологией, собрался и, суда по всегдашней наглой улыбочке, выбрал линию поведения.

Жалости к нему у Виноградова больше не было.

– А шеф не придет? – Лицо Кожина выражало искреннее облегчение интеллигентного человека, с тем чтобы вместе – ну вы же понимаете! – разрешить возникшее недоразумение.

Владимир Александрович молча покачал головой.

– Жа-аль... Тут, видишь ли, Володя, такая ситуация... Некоторые расходы, как бы сказать, ну... В общем, Маренич в курсе – туда, сюда, и я не знаю, все ли тебе можно говорить, как сотруднику, так сказать, органов...

Обычно разговорчивый, Виноградов молчал, и это выводило собеседника из себя.

– Ну хорошо. Хорошо! Грешен! Но это наши с Виктором дела, личные! Понял? Я ему все объясню. И верну! При наших с ним отношениях эти – ну сколько? Двадцать? Тридцать тысяч? – тьфу, ерунда! Он бы и так дал... А насчет договора с «Гортрубопроводом» – там все чисто, пусть не думает, это Зайченко с Орловым договорились, чтоб меня подставить! Посмотри, Володя, посмотри – я написал...

Кожин торопливо вытянул из стопки один из листов и сунул его почти под нос Виноградову.

– Вот! Сам смотри!

Владимир Александрович аккуратно поправил растрепавшуюся стопку. Положил сверху протянутую коммерсантом страницу. Еще раз медленно подровнял бумажные края. После чего двумя длинными движениями крест-накрест разорвал исписанные листки.

– Ты что? – опешил Кожин.

Виноградов брезгливо отправил отчеты в корзину.

– Видишь ли, Боря... – капитан заговорил медленно и задумчиво, обращаясь, казалось, в первую очередь к самому себе. – У меня сейчас очень тяжелое положение... Вот к примеру! Приводят ко мне в ментовку очередного жулика – вроде тебя.

– Саныч!

– Заткнись. Не перебивай... Я его, само собой, колю, как у нас говорят, по самую жопу, пardon за грубое слово. И вопрос не в том, скажет он правду или нет, вопрос в том, когда и как это произойдет. То есть... Имеется два варианта. Первый. Клиент – дурак полный, упертый до невозможности. Каждый раз его приходится за уши тянуть, прижимать со всех сторон... Так на такого и времени, и нервов угробишь уйму, а значит – что? И отдача соответственная! Он мне жизнь осложняет – и я ему ее же, по максимуму. Тут масса нюансов: и операм в тюрьму позвонить можно, и судье намекнуть... Да мало ли чего!

Кожин слушал молча, и Виноградову это нравилось. Он почувствовал – возвращается уже полузабытый, терпкий вкус оперативной работы.

– Но есть и второй вариант. Более распространенный... Ведь в конечном итоге весь наш уголовный процесс – это сделка. Ты мне – расклад на себя, я тебе – подписку о невыезде вместо ареста. Ты мне своих подельников, я тебе – хорошую камеру и лишнюю передачку от жены. Ты мне пару новых эпизодов, а я в ответ – приговорчик по минимуму, «ниже низшего»... А?

– Ну, мы же не в ментовке...

– То-то! – поднял вверх указательный палец Владимир Александрович. – То-то и оно! С одной стороны – кайф: ну помучаюсь с тобой час, потом уйду домой... Скажу – не раскололся, извините. Занимайтесь сами! Обидно, конечно, удар по престижу, но... В конце концов, мне Виктор за это деньги не платит! Правда ведь?

Кожин непроизвольно кивнул.

– Пра-авда... Так что выговор мне не объявят и звездочку не снимут. И разбирайся ты сам с корзуновскими дебилами – как хочешь!

– В смысле?

– А в смысле – это меня не касается! Корзун начальник безопасности, пусть работает. Как умеет...

– Это же животные, Виноградов! Скоты!

– Странно... – пожал плечами Владимир Александрович. – Я тут краем уха слышал, в апреле, когда надо было долги получать с «Интербензина», – они вас вполне устраивали. И, говорят, вы особо смаковали тот визит домой к москвичу... Помнишь, Боря, ты еще смеялся, что он не мог полчаса пиджак правильно застегнуть от страха... Ась?

– Виногра-адов!

– Что – Виноградов? Что? Вы сами всю эту сволочь выкормили. Разве не так? Вот и расхлебывай! А я только рад буду. Потом посажу их, собственноручно... после того как твой труп найдем.

– Володя, я не понимаю...

– Поймешь, когда паяльник в заднице зашкворчит, – равнодушно отмахнулся Владимир Александрович. По множеству неуволнимых и необъяснимых признаков он понял: все, дело сделано. Клиент созрел. – Шутка!

Кожин неуверенно засмеялся:

– Нет, но послушай...

– Пошел ты! Я ж самым умным тебя считал, после Виктора... Самым интеллигентным среди всех этих торгашей... Сколько раз цапался то с Зайченко, то с этим райкомовцем «из бывших»! Кожин, говорил я им, Кожин! Только на нем, я говорил, фирма держится, и нечего копать под парня... Знаешь, сколько раз они меня пытались на тебя натравить?

– Знаю! – мстительно прошипел Борис Иванович. – Они же сами, сволочи...

– А ты мне прямо в душу насрал... – На глазах у бывшего лучшего опера Управления заблестели почти настоящие слезы. – Эх, Боря!

– Но Володя... Но послушай!

– Вот что. Хватит! Поступим так... Я расскажу тебе, как все было. Если что – подправишь. Потом будем думать, как из этого дерьма вылезти... Но гляди, блин! Чтоб только трое – я, ты и Маренич, понял? Шеф сам приказал – чтобы без всех этих Орловых, Денисов... Вы что с ним – давно? Друзья?

– Да я с Виктором... Эх! – ухватился за соломинку Кожин. – Я с Виктором! Он же помнит! Э-эх...

– Ну, моли Бога за шефа. Я бы на его месте... – уже спокойно и назидательно покачал головой Виноградов. – Впрочем, хозяин – барин, его деньги – ему и решать.

– Да уж тут такое дело... – самодовольно усмехнулся Кожин.

– Все вернешь?

– Верну!

– Все семь тысяч?

– Какие... Какие семь тысяч? – расслабившийся было коммерсант опешил и потянулся к корзине с бумажными обрывками. – Почему семь?..

– Да забудь ты об этом дерьме. – Виноградов небрежно сплюнул на остатки кожинских отчетов. – И не делай из меня дурака, хорошо?

– Володя, ты что – сейф имеешь в виду? Но я тебе клянусь...

– Чем клянешься?

– Да чем хочешь? Христом-Богом, детьми своими! Маминым здоровьем!

И с этой секунды он перестал существовать для Виноградова – есть поступки и слова, которые он никогда не простил бы самому себе, а не только другим.

– Слушай меня внимательно, падла. Сейчас я расскажу тебе, как все было. Точнее – как это будет доложено шефу... Он не станет просить доказательств, признаний... Если не сумеешь перед ним оправдаться – твои проблемы... Да, войдите!

В дверях нарисовался самый мерзкий из всех охранников – Слава, семипудовый коротко стриженный дзюдоист с остатками ушей на приплюснутом черепе:

– Ты скоро с ним?

– Не ты, а вы! – тихо прорычал Виноградов, с трудом сдерживая довольную усмешку: на часах было уже без пятнадцати, Слава появился точно по сценарию и роль свою, простую, хотя и со словами, исполнил вполне прилично. – Выйдите вон!

– Могу и выйти... – равнодушно пожал плечами охранник. Переступил с ноги на ногу и добавил: – Корзун велел. Когда закончите ляссы точить, его – к нам. Тут есть желающие с пациентом... хе!.. побеседовать...

– Ничего, подождете! – бросил в закрывшуюся дверь Виноградов и наклонился к Борису Ивановичу: сейчас главное было не упустить момента. Для таких слизняков вполне годились старые как мир, шаблонные приемы. – Успокойся, Боря... Успокойся. Пока я здесь – все будет хорошо...

– Знаешь, такой стишок есть... – Кожин говорил отчетливо, хотя и почти не открывая рта. – «У попа была собака, он ее любил... Она съела кусок мяса, он ее...» Так вот... Один умный писатель сказал, что в этой поганой жизни можно быть только попом. Или собакой. Или куском мяса... Четвертого не дано. Господи, в каком же я дерьме!

Чувствовалось, что Борису Ивановичу страшно, больно и очень жаль себя – такого умного, тонкого и несчастного человека, попавшего в беду. Капитан прекрасно понимал Кожина: не так уж давно, посаженный в камеру Большого дома, он сам прошел через нечто подобное... и чуть было не купился, да честно говоря, купился – потом долго и трудно выпутывался из расставленной тем опером ловушки... Ладно, дело прошлое!

– Боря... Виктор не верит, что ты был в этом деле главным. И я с ним согласен... Это твой шанс, Боря!

– Дай мне поговорить с шефом, а?

– Дам. Конечно. Как только ты скажешь, куда вы его дели...

– Кого дели?

– Падла, тварь негодная! – Виноградов навис над Кожиним и заорал, брызжа слюной и почти касаясь его оплывшего лица. – Если с Мареничем что-нибудь сделали, я тебя, гадина, лично в куски порву! Понял? Ты у меня к бандитам в руки сам попросишься! Понял?

– Володя! Володенька... Я не понимаю! – Коммерсант плакал, боясь поднять руки к дрожащим мокрым губам. – Я не знал!

– Знал, сволочь! Все знал! Хочешь, я тебе скажу, как было? Хочешь? – Не ожидая ответа, Владимир Александрович встал и прошелся по комнате. – Мы тебя вычислили – насчет сейфа... Это было не так уж сложно, дело техники! Ты про такую штуку слышал – «поле переговоров»? Нет? Элементарно! Любой звонок по радиотелефону фиксируется – номер абонента, продолжительность... А иначе как все эти «Дельтателекомы» и прочие штучки-дрючки оплачивать? Обычно раз в три месяца – счет... Да что тебе элементарные вещи объяснять! Догадался? Нет? – Это был самый рискованный момент допроса: Виноградов отчаянно блефовал, любая неверная интонация могла разрушить все, что удалось достичь. В одну сторону звонки действительно отслеживались элементарно – это если звонили с радиотелефона. А вот если кто-то вызывал абонента «Дельты»... Оставалось надеяться, что Кожин уже достаточно запуган и не слишком силен в беспроводной связи. – Вижу – по-онял! Так-то... Ты ж мои контакты в «чека» знаешь? Зна-аешь! Я денег дал – совсем немного! – и ребята залезли в компьютер, сняли информацию... Проще простого: кто с кем сколько говорил во столько-то часов в таком-то районе, допустим, с такого-то теле-

фона, принадлежащего фирме «Нефтегазойл». Нет! Конечно... Само содержание разговора никто не записывает – все-таки тайна корреспонденции, то-се... Видишь – я тебе даже не вру, хотя мог бы наплести... Дальше объяснять?

Кожин сидел уткнувшись лицом в скрещенные на столе руки. Это была не лучшая поза для диалога, но капитан продолжал:

– Я Виктора просил самому ничего не делать. Подождать... Он, бедняга, меня не послушался, видимо, не знаю уж как, когда, но все это тебе высказал. Может, на совесть твою понадеялся? А?

– Он мне ничего не говорил...

– Врешь! Я даже догадываюсь когда: в пятницу вечером, перед твоим отлетом на комбинат!

– Он мне ничего не говорил...

– Может быть. Может быть... Значит, ты сам догадался – ребята ведь в Уренгое жестоко опекали. Не так, как обычно? Да! Логично! Ты понял, что шеф если и не знает, то о чем-то догадывается, каким-то образом обманул охрану, дал сигнал своим друзьям в Питере... Сволочь! Где Виктор?

– Я не знаю... Он ничего не говорил...

Виноградов почувствовал, что коммерсант впадает в ступор. Это было лишнее.

– Жить хочешь?

– Они меня все равно убьют... Убьют...

– Точно. И знаешь когда?

Кожин поднял на Владимира Александровича глаза.

– Я тебе скажу... Они очень скоро тебя убьют. Может быть, даже сегодня. Почему? Элементарно! Ты сейчас для своих друзей опасен. И не нужен... Допустим, ты мне ничего не сказал. И даже допустим, что я охранникам-дебилам не дал тебя тронуть... Просто – отпустил! А? И где у них гарантия, что ты не сегодня, так завтра, послезавтра не заговоришь? Или допустим, что мальчик этот честолобивый сам дурную инициативу проявит и без моего ведома тебя куда-нибудь в лесок вывезет... а там ты все скажешь, будь спокоен! А? То-то и оно... Поэтому я на месте твоих друзей тебя бы грохнул. Не откладывая.

Борис Иванович опять заплакал.

– Жалко себя? Жа-алко... Есть другой вариант. Во-первых, ты мне даешь расклад. Полный. Потом мы берем тебя под охрану – думаешь, почему ты еще живой? А? Потому что тебя вовремя из города эвакуировали, дурашка! – Виноградов импровизировал от души, и у него, кажется, получалось. – Семью прикроем... Пойми! Нам главное – время выиграть, выйти на них, «перетереть»... А когда все кончится, ты уже ни для них, ни для нас не опасен будешь! В принципе, можно будет даже такое условие поставить – твоя безопасность. Виктор придумает что-нибудь...

Кожин глядел на капитана не отрываясь, впитывая каждый звук его вкрадчиво-рассудительного баритона.

– Из фирмы, конечно, придется уйти, сам понимаешь... И машину шеф отберет... Но – ладно! Это уж вы с ним между собой решите... Да ты же умный мужик, Боря! С нуля начнешь – поднимешься, а потом, со временем...

– А что с шефом? – Щеки Кожина порозовели, он уже принял решение.

– Плохо с Виктором, – доверительно вздохнул Виноградов, – плохо... Пропал Виктор. Третий день.

– Это не я.

– Знаю... Извини уж, что так наехал. Переживаю я за него очень.

– Да понимаю. Какие уж там извинения! – Кожин уже почувствовал себя почти виноградовским партнером. – За главного кто? Орлов?

– Ага. Они на пару с Зайченко. Разорвать тебя готовы...

– Сволочи... Володя, поверь – с шефом я бы договорился, объяснил бы все! А с этими...

– Боря, я все понимаю! Поэтому я сказал – без меня ни-ни! Короче... Вот даже как сделаем: о результатах нашего с тобой разговора никому ни слова! Согласен?

– Конечно! А если...

– Обойдутся! Под мою персональную ответственность. Но давай так: ты мне говоришь все как было, а уж что им докладывать – это вместе решим. И что дальше делать... Сейчас главное – доказать, что в исчезновении шефа ты ни при чем, остальное – хреновина, дело десятое. В конце концов, семь тысяч баксов...

– Семьдесят.

– Что – семьдесят? – переспросил Виноградов, задерживая палец на крохотной кнопке карманного диктофона.

– Там было семьдесят тысяч. Долларов... – Приняв решение, Борис Иванович уже любовался собой и своей ролью. – Видишь, Володя, даже тебе эти негодяи не доверяют. Используют – и выбросят...

– Да-а... Вот гады!

– Конечно! Ты выслушай, как было...

И Виноградов приготовился слушать, уточнять, подбадривать, ловить на мелочах и высказывать сочувствие.

Глава шестая

Лисичка-сестричка съела братца-кролика. Братец-волк съел лисичку-сестричку. В такой обстановке нельзя забывать о соловье-разбойнике, нельзя закрывать на него глаза.

Ф. Кривин. «Ученые сказки»

История, собственно, оказалась достаточно банальной: Борис Иванович Кожин не был доволен жизнью. Его не устраивало собственное положение в фирме, положение одного из первых лиц – но не первого... Не устраивала зарплата – огромная по бытовым меркам, но несопоставимая с доходами того же шефа или, к примеру, их партнера, банкира Зенкевича... И если поначалу трехлетняя «Волга» и квартира на Пороховых казались бесценным даром великодушного Виктора, то теперь они воспринимались уже всего-навсего как оскорбительно мелкая подачка из миллиардных прибылей «Нефтегазойла».

Кожин считал, что имеет право на большее.

Липовые счета и мелкие взятки от сторонних организаций за выгодный маркетинг, продажа на сторону неучтенных кредитных карт и просто «изъятия» из кассы – все это не могло решить проблему кардинально. И тут судьба свела Бориса Ивановича с неким Виталиком – парнем хватким, не жадным, стремительно влезавшим со своей небольшой «акционеркой» в тесный мир топливного бизнеса. Как вскоре понял Кожин, прокат грузовиков и торговля бензином были для его нового знакомого занятием не основным и далеко не самым прибыльным. Несколько раз они неплохо посидели в «Тройке», потом для почина Кожин продал ему несколько тонн питьевого спирта под видом технической некондиции, а «верхушку» оставил себе... К концу лета на их совместном счету было уже много кое-чего, кое-чего такого, что, безусловно, огорчило бы Маренича и его окружение.

Виталик Кожина понимал. Уважал. Ценил.

И ничего удивительного не было в том, что именно к Борису Ивановичу обратился он с предложением, суть которого сводилась к следующему...

В принципе, основная тема Виталика и его коллег – металлы, недвижимость. А горюче-смазочные материалы – так, для души. Он, Виталик, думал и там и там успеть, но сейчас время такое – не успевает. А совсем от затеи отказываться жаль, дело прибыльное, на подъеме... Кому-то из молодых поручить – нет, не потянут. Хватка нужна, опыт, связи и, безусловно, порядочность! Так вот, не согласится ли Кожин взять бензиновое АОЗТ под себя? Всё на законных основаниях: протокол собрания, он – генеральный учредитель и директор, перерегистрация в мэрии, выписки, справки... И контора ведь не голая – счет в банке, на складе спирт, тот самый, оборудования еще на пару миллионов. Крутись, разворачивайся, «поднимайся»! Условие одно – доля чистой прибыли лично Виталику. Без всяких ревизий, проверок – тридцать процентов, целиком полагаясь на порядочность Бориса Ивановича. А если не получится – что ж, невелика потеря...

И Кожин согласился. Но, будучи человеком осторожным, оговорил конфиденциальность этой сделки и на всякий случай, на первое, разумеется, время «Нефтегазойл» решил не покидать – пока еще собственное дело начнет плодоносить, а тут как-никак страховочка! Виталик особо не спорил, формальности все взял на себя, и через неделю Борис Иванович был уже полноправным владельцем фирмы: с печатью, расчетным счетом и даже лицензией на внешнеэкономические операции.

А потом вдруг... Пришли к нему домой трое здоровенных бугаев в драповых пиджаках, с одинаково переломанными носами, представились сотрудниками какого-то «специального» отдела банка, но не того, что значился в реквизитах, переданных Витали-

ком, а другого – солидного, мощного, с красивым и знакомым по телерекламе названием. Молодые люди корректно, грамотно, с документами продемонстрировали Борису Ивановичу: фирма его, полноправным и полноответственным владельцем которой он является, несколько задолжала банку по кредитам – сущие пустяки, лимонов сто пятьдесят нашими да в валюте – тысяч сорок зеленых... Когда платить будем?

На робкие попытки Кожина объяснить, что денег он в глаза не видел, ему резонно пояснили: мы же ваших дел не знаем, может, вы в сговоре? Брал кредиты не Виталик – брала фирма! С нее и спрос. А фирма – это теперь вы, очень приятно познакомиться...

Вот тогда Борис Иванович и понял – всё, кинули! Сунулся искать своего молодого партнера, того как волной смыло, с квартиры снятой съехал, в офисе – только недопитая бутылка «мартини» да початая пачка презервативов... В той, основной корпорации, которой постоянно козырял Виталик, пожимали плечами: ну был такой, давно уволили за ненужностью. Какие претензии? Нет? Всего доброго...

– Не подпрыгивай высоко, иначе из-под тебя могут утащить землю, – грустно цитировал старого польского еврея, Ежи Леца, Кожин, в очередной раз напиваясь в одиночку, когда вся семья уже тихо спала, а почти еще не обжитая кухня наполняла ночь едким запахом луковых вязанок. Запах лука и близкого расставания – все нажитое: квартиру, машину, участок под Выборгом – предстояло отдать в погашение чужого долга. Так сказали «банкиры», а они, как ни крути, народ серьезный. Был еще выход пойти к Мареничу, повиниться... Но Борис Иванович почему-то не спешил это сделать.

Как-то вечером неподалеку от Невского его посадили в огромный малиновый «мерседес» и отвезли за город, в кемпинг.

Обращались вежливо. Угостили кофе. А потом предложили простой и безболезненный способ рассчитаться – и не последним, нажитым с таким трудом, а малой толикой неисчислимых мареничевских капиталов.

– Вот такие дела, – сказал Виноградов, выключая магнитофон.

– А дальше? – Зайченко перестал потрошить очередной извлеченный из пепельницы окуроч. Он утверждал, что эта привычка помогает ему сосредоточиться, сомнений это у окружающих не вызывало, равно как и положительных эмоций.

– Любопытно, – поджав губы, кивнул Профессор. – Любопытно.

Орлов и Корзун молча ждали продолжения.

– А дальше там еще полтора часа соплей. Короче, суть такая... О том, что тридцатого шеф снимет в банке валюту, те ребята знали. Кожин уверяет, что не от него, но, скорее всего, врет: нелогично получается. Скорее всего, так: он подставил под шефа липовых продавцов, у которых якобы была квартира – где-то прямо рядом со Смольным.

– Точно! На Суворовском! – поднял вверх палец Корзун. – Шеф сам ездил, и немцам понравилось... Пять комнат, потолки...

– Ага... Все детали прорабатывал Кожин, он и забил стрелку на вечер четверга – чтоб те генеральную принесли, а шеф сразу же бы и рассчитался...

– Они должны были дарственную принести, – поправил опять Корзун. – Хотели действительно сначала по генеральной доверенности, но... Мороки больше, да и вообще...

– Знаешь, я так думаю – там не только владельцы, там и квартира липовая была, из расселенных например, или дом под снос, – вздохнув, поморщился Зайченко.

– Но это ж сразу по документам!..

– Ты че – дурак? Никто и не собирался документы нести! Нужно было только, чтоб Маренич деньги снял!

– Да, по всей видимости... – продолжил Виноградов. – Шеф валюту привез, вы посидели, его подождали... Так? Потом Кожин позвонил продавцам, они сказали, что приедут завтра утром: это был первый сигнал, что все идет по плану, валюта на месте...

– Вот сука! – не удержался Денис. – Точно ведь звонил...

– Касса уже к этому времени была опечатана. Виктор, конечно, домой такую сумму не попер, закрыл в сейф... Сдал дверь под сигнализацию. Поговорил с Шиловым. Уехал... А Кожин вместе с вами уже был во дворе главного офиса. Первым делом – спер из денисовского кабинета трубку-телефон.

– Да ну?

– Именно. И с этим телефоном ушел к себе – не обращали внимания, из окна его кладовки двор как на ладони? Он убедился, что Денис с Корзуном уехали, отзвонился... Прихватил пиво, спустился вниз. Сунул по пути на место аппарат, потом озадачил охранника – насчет своей машины... Вот тут момент был рискованный – гад зашел в дежурку, сделал вид, что звонит по телефону, а сам... А сам – отключил сигнализацию! Вернулся во двор, замкнул на себя парня корзуновского: кто ж бросит в беде автолюбителя? Что-то они там чинили – зажигание, что ли...

– Уволю идиота! – прошипел начальник службы безопасности.

– Да ладно тебе... Потом Кожин опять пошел в дежурку, еще раз якобы позвонить, – и щелкнул обратно тумблером. И сигнализация, естественно, сработала...

– Класс! Нет слов. – Прикрыв глаза, Профессор смаковал ситуацию. – Блестяще!

– Подождите... – Орлов почесал мокрую от пота переносицу. – Подождите... А дверь? А как они сейф открыли?

– Да! – поднял на Владимира Александровича ревнивые глаза Корзун. – Действительно?

– Ну вот в этом-то как раз ничего особенно сложного не было... Вы вторым корпусом как пользовались? Кому надо, тот ключи и брал от входа! Кожин говорит, что сделал дубликаты еще в середине сентября, сразу же после той встречи с «банкирами». А сейф...

– Разве это проблема? Ящик стандартный, куплен в магазине! Ну? Что – не подобрать? Да для профессионала...

– Все не так просто, Денис. У них времени было – ноль! Слишком жирно – подбирать ключи или там отмычки... А вдруг бы заклинило?

– Ну и?

– Иваныч, сколько было ключей от сейфа? Всего?

– Не знаю... Два комплекта. Или три? Это вон – Корзун должен знать, его хозяйство.

– Ну, во-первых... Сейф покупали, когда я еще не работал. Но если уж на то пошло... Одни ключи были у шефа, одни – у Орлова. И контрольный комплект – в охране, в моем собственном загоашнике...

– Все?

– Все.

– Значит, не врет Борис Иванович... Орлов, ты помнишь, как сейф покупали?

– Да. Кожин, кстати, тогда еще не таким крутым был, просто вроде завхоза...

– Ага. Он его и привез из магазина. И один из четырех комплектиков ключей – а их обычно по четыре выдают, я звонил – на всякий случай заныкал. Еще в девяносто втором! Во как...

– Допустим... Надеюсь, главное он поведал?

– Безусловно! – с законной гордостью отчеканил Виноградов. Он пролистнул блокнот, нашел нужную страницу: – Вот схема, Кожин сам рисовал... Тот кемпинг, где его вербовали. Названия, конечно, не заметил и адреса тоже, но описал подробно: два этажа, красный кирпич, веранда... Потом послушаете – на кассете все записано.

– А телефон? Которым они из машины пользовались?

– Разумеется.

– Давай! – загорелся начальник охраны. – Не проверяли еще?

– Здра-а-сте! Когда?

– Да, конечно... А может, сволочь, врет? Может, шеф и сейчас еще в кемпинге? – В голосе Орлова смешались сознание собственной наивности и некий намек на надежду.

– Иваныч! – застонал Виноградов. – Но я же тебе уже полчаса объяснял... Про исчезновение шефа он ничего не знал! Во всяком случае, ничего конкретного! Его же ведь первого числа на комбинат вывезли и только сейчас вернули... Да для него, если хочешь знать, шеф – единственная надежда! Вы же его без Маренича в клочки порвете, так?

– Так-то оно так... Но! Проверить все равно надо. Женья! Возьми у Владимира Александровича кассету и бумажку – и давай, доводи до конца...

– Не наломайте дров, – сказал Виноградов. – Не торопитесь! Мне сердце вещует: лучше с этим делом обождать, по поискам шефа все равно ничего не добьемся, только время потратим и силы. А на два фронта работать – в фирме возможностей нет, либо деньги возвращать, либо шефа...

– Владимир Александрович! Ты свое дело сделал классно, спасибо тебе... – В голосе вмешавшегося Зайченко зазвучали хозяйские нотки, которые терпеть не мог капитан. – А дальше мы уж как-нибудь разберемся... И почему ты, например, исключаяешь, что они, допустим, узнали о подозрениях относительно Кожина и похитили шефа, чтоб в случае чего обменять их друг на друга? А?

– Ерунда! – твердо отреагировал Профессор. – Зачем им Кожин? Проще и дешевле его грохнуть, как расходный материал. Это, очевидно, и планировалось, но мы опередили...

– Кстати... – пересилил обиду Виноградов, он опять чувствовал себя как использованная и отброшенная в сторону промокашка. – Кстати... Я гарантировал Кожину охрану!

– Это конечно, это сделаем, – оторвался от переданной капитаном схемы Корзун. Затем посмотрел на оборот листка: – Телефон знакомый... Черт! Ладно, посмотрим. Надо будет сразу же...

Юный начальник службы безопасности напоминал играющего ноздрями, роющего землю копытом боевого жеребца – что-то вроде Холтоффа из шпионского сериала.

– Это очень серьезно, ты понял? – Профессор почувствовал озабоченность коллеги и поддержал Владимира Александровича. – Нам сейчас жизнь этого подонка так же дорога, как ему самому! Ясно?!

– Да нет вопросов! Я что – дурнее паровоза? Сделаем в лучшем виде: сейчас прямоком на квартиру, там запрем его, постоянный пост, рацию! Даже два человека – на всякий случай...

– И проинструктируйте ребят – чтоб клиент сам сдуру ноги не сделал, – заметил Иван Иванович. – Все вежливенько, культурно, но...

– И все-таки в главном Виноградов прав. – Профессор снял очки и потер усталые глаза. – Спешить тут нельзя. Надо сначала пощупать тот банк: кто за ним стоит, связи, крышу, адреса первых лиц... телефоны послушать... понаблюдать плотненько хотя бы дней пять, еще кое-что провернуть!

– Я сегодня человечка своего в РУОПе озадачу. И насчет кемпинга... – Владимиру Александровичу всегда было приятно работать с Профессором, они давным-давно уже стали не просто коллегами, но – единомышленниками и друзьями. – Только надо аккуратненько!

– Хорошо! – откликнулся Орлов, и по его лицу было видно, что он уже принял решение и на правах нового босса сделает все, чтобы добиться его воплощения в жизнь.

Виноградов внезапно поймал себя на мысли: что изменится лично для него, когда Иваныч окончательно займет президентское кресло? В принципе, ничего особенно плохого это не сулило, но...

– Хорошо! Наши уважаемые консультанты пусть продолжают свои... как вы их называете? Да, мероприятия!.. А мы тем временем – по своим каналам... Корзун! Женья! А-у!

– Что? – Молодой человек с трудом вынырнул из тумана окружавших его победных видений. Виноградов с тревогой разглядел в серых запавших глазах отблески медный фанфар и автоматных очередей. Такие глаза бывают иногда у взрослых мальчиков, не доигравших в свое время в войну и в соддатки... – Что?

– Есть повод отличиться! – Умный Орлов тоже почувствовал состояние Корзуна, его жгучее желание обойти своих более опытных коллег, продемонстрировать, что и он тоже...

– Ладно... С этим определились. Что же по другим линиям?

– Мы еще раз прочесали «Асторию»: прислугу, кое-кого из постояльцев... Спасибо спецслужбе и ребятам из «Защиты» – помогали без всяких! Владимира Александровича и там знают – после его звонка...

– Короче! Результат?

– Все чисто! Действительно – ушел, никаких конфликтов...

– Бандиты? Проститутки?

– Нет. Отработано.

– Да он для них и не интересен был, вспомните, как он тогда оделся-то: куртка, джинсы, борода... Явный «совок», типа там художника, поэта – они иногда заходят в интуристовские гостиницы, чтобы с фирмачами на халаву треснуть, – поддержал молодого коллегу Виноградов, уже знакомый с предварительными результатами поисков. – Тем более из номера Мейеров...

– А сами они, кстати?..

– Ничего нового. Я в присутствии Дениса разговаривал – и с «самим», и с «мадам»... «Попрощался, ушел, собирался домой... Пил немного...»

– Да! Для них исчезновение Виктора – удар, – заметил Зайченко. – Мы, конечно, ничего не говорили, но они догадываются...

– Насколько я знаю, Мейер финансировал строительство порта? И немецкие гимназии в России? И покупка квартиры... – Виноградов задумался. – А не может так быть, что кому-то не хочется...

– Ага! Заговор против семьи фабриканта! Кровавые интриги в бензиновой луже! – не преминул съязвить Корзун.

– Ну он, положим, не только фабрикант... Все-таки – национальный вопрос, экология...

– Стоп! Это – политика. Политикой я не занимаюсь! – поднял вверх растопыренные ладони Профессор. – И потом, при чем здесь шеф? Лично его смерть на финансовом состоянии Мейера, как я понимаю, не скажется?

– Практически никак, – в очередной раз пожал плечами Орлов. – Будут некоторые мелкие сложности – с правом подписи, счетами, но... Это все легко решаемые вопросы.

– Вот! Овчинка выделки не стоит. Другое дело – если это какие-то разборки на почве шоу-бизнеса: доля прибыли с проката, чьи-то интересы на кинорынке...

– Нет! – Реакция Ивана Ивановича была достаточно категоричной. – В последние три месяца никаких серьезных наездов не было, все вопросы решались... Пару раз наши бандиты перетирали с чужими...

Виноградов поморщился – ему было неприятно слышать этот полублатной жаргон:

– Вам виднее... Старые какие-нибудь заморочки не всплывали?

– Я понял! Мы проверим еще раз – и насчет кинобизнеса, кстати! – привлек к себе внимание Корзун. – Я вчера встречался... ну, вы понимаете с кем. Мы обговорили это дело, он обещал помочь, подключить все силы...

– Хорошо...

– Но пока – ничего! На них, бандитов, никто не выходил...

– А Виктора, кстати, инструктировали?

– Да. Он знает, кого в случае чего назвать, кем прикрыться. Телефон учил...

– Ладно, – сменил тему Виноградов. – В эти проблемы я не лезу: жизнь отвалила. Надо либо ментом быть, либо бандитом – пополам не получается... Кстати! Женья! Тебя нужно похвалить: смотрю, усиление постов на объектах, АОНЫ... Молодец, оперативно!

Начальник службы безопасности расплылся в улыбке:

– Все офисы перекрыты, склады, типография! У начальства на квартирах такая охрана – звери! К денисовской жене массажиста не пустили, руку ему вывихнули...

Под общий хохот Зайченко подтвердил:

– Точно! Но ничего – скромнее будет...

– И на квартире у шефа тоже... Ленка больше не возмущается, кажется, начинает понимать.

– Да она с самого начала догадывалась! Да! Обрати особое внимание на переезды – выход из дома, дорога на работу, вход в офис... И вообще по городу – по возможности поменьше перемещений. Это – самое уязвимое.

– Точно-точно, Денис! И не улыбайся! – поддержал Виноградова Профессор. – В квартиру-то вряд ли кто полезет, а вот по пути... И не только вы, мужики, семья в первую очередь: в школу, в магазин, еще куда – только под охраной! Ничего, некоторое время придется потерпеть.

– Еще что сделано?

– Морги... Больницы – и такие, и психушки... – Впечатлительного Дениса передернуло. – Я лично все объехал, денег дал. И фото. Теперь постоянно отзваниваемся. Слава Богу, никаких результатов.

Виноградову стало жаль парня, но приходилось руководствоваться соображениями целесообразности:

– Отлично. Это останется под твою ответственность... Понял?

– Да. Сделаю.

– Что насчет баб? Помнишь, ты говорил...

– Тоже полный ноль. По записной книжке проверил, так, в столе покопались... Ничего! Была пара сомнительных телефонов, я тут кое-какие старые связи пощупал, Иваныч подсказал... Голяк. Дохлый номер!

– Придется поверить. Но ты все-таки еще раз проверь, может, какая-нибудь девка из «Рекламы-шанс». Или из ваших, издательских?

Последнее предположение было тут же отмечено бурным шквалом единодушных возгласов:

– Не-ет!

– Я бы знал, разве у нас чего скроешь?

– Володя, ты ж моряк – помнишь «Первое правило», – осклабилась от близости любимой темы Зайченко. – «Если хочешь жить в уюте, не... люби в своей каюте!» – так, кажется, у вас говорят?

– Все, хватит... – отсмеявшись, вернулся к своим записям Профессор. – А то время позднее... Значит, что у меня? Ну, во-первых, по отделениям милиции: проверили книги доставленных, заявления... С участковыми и кое с кем из оперов перетолковали, тоже раздали фотографии – объяснили, что обижены не будут.

– Шум не подняли?

– Нет. Аккуратно. – Виноградов знал, что, если Профессор уверен, значит, это действительно так. – Все отделения в центре, потом рядом с домом шефа, по пути возможного следования... В общей сложности двенадцать.

– Из семидесяти с лишним? – вздохнул Владимир Александрович.

– Для первых суток неплохо, – насупился Профессор. – Тем более что это не основное мероприятие... Так, страховка.

– Согласен.

– Параллельно задействовали и ребят из «гебе»: они через свою ментовскую агентуру прозондируют относительно самих наших коллег.

– В смысле? – не понял Денис.

– Ты же помнишь? Говорил о том, что могли и стражи порядка забить... или ограбить... Ну вот, мы это и отрабатываем! На всякий случай...

– А что по первой версии? Транспортной, так сказать?

– Проверили железнодорожные кассы – нет. В аэрофлотовском компьютере – тоже нет. Залезли в массив данных «Финнэйра» и «КЛМ» – на фамилию шефа ничего. Но продолжаем дальше работать – за спекулянтов билетных взялись, подняли таможенных знакомых... Ищем!

– Теперь я доложу, – как бы подводя итог совещания, произнес Орлов. – Относительно кредитной карты... На третье число оставалось семнадцать тысяч долларов, с того времени деньги не снимались – никаких данных о платежах. На всякий случай я от имени фирмы уведомил об утрате, они уже доведут до сведения своих кассиров.

– Прекрасно! И последний вопрос... Иваныч, у меня вся пресса «на товсь!» стоит, только дай сигнал. Сразу же по «Информ-ТВ», и телетекстом, и в газетах с фотографией опубликуем... И о розыске, и о вознаграждении... И завтра можно будет заявление подавать в милицию... Дашь указания? – Зайченко, судя по всему, признал старшинство Орлова и уже обращался к нему соответственно.

– Я звонил в Москву... Там пока очень не хотят скандала. Это может здорово ударить – и по банку, и вообще... Короче, они оставляют на наше усмотрение, но так, чтоб по возможности...

Виноградов догадывался о существовании неких «москвичей», стоящих над Мареничем, но глубоко в эти вопросы старался не вникать, наученный горьким опытом: во многих знаниях многие печали... Тем более на его деятельность как сотрудника фирмы эти далекие и, очевидно, могущественные люди влияния не оказывали. Профессор, судя по всему, был более осведомлен:

– Хорошо им там говорить... И ведь так каждый раз, Иваныч!

– Ладно... Что мы выиграем, обратившись в милицию? А, Володя?

Виноградов вынужден был честно признать:

– Да немного... Легализуем свои мероприятия, потом, большой круг сотрудников милиции вовлечен... Хотя, собственно, всем до балды: глобальных операций по этому поводу все равно никто затевать не будет. Так, формально для очистки совести.

– Понял. Все! С заявлением подождем. С прессой тоже... Завтра в это же время... Корзун! Останься...

Глава седьмая

*Мирно текла деловая беседа,
Пахло ромашками с луга...
Два людоеда в процессе обеда
Дружески съели друг друга.*

В. Шефнер

Они вышли из морга и молча направились через уставленный корпусами и хозяйственными постройками двор.

– Ну и слава Богу! – перекрестился Денис после продолжительной паузы. – В конце концов, было бы хуже, если...

Оспаривать это утверждение было глупо, и Владимир Александрович ограничился кивком. Зябко поправил поднятый воротник плаща. Вновь сунул руки в карманы.

В ранних сумерках было тихо и пусто, и с обрывка одинокого плаката белело злое и красивое лицо очередной «богородицы». Накапывал ленивый дождик, а от двухэтажного пищеблока пахло чем-то очень несвежим... Виноградова затошнило, так что пришлось даже сделать несколько глубоких вдохов-выдохов, приступ прошел, оставив после себя ощущение тоски и усталости.

– Почти восемь... До метро подбросишь?

– Какой разговор, Володя! Прямо на работу отвезем.

Зайченко и Виноградов наконец очутились за воротами. Охранник, кутивший рядом с БМВ, по выражению их лиц понял, что результат отрицательный, сноровисто открыл заднюю дверь, а сам нырнул на сиденье рядом с водителем.

Стремительно тронулись, раскидав из-под колес веер коричнево-мутной воды, и вскоре за окнами уже мелькали жилые коробки Гражданского проспекта.

– Не сердись, Володя.

– Да брось ты, Денис! Нормальный ход...

Виноградов действительно не имел никаких претензий: шел четвертый день поисков, активных и безуспешных, хватались уже за любую соломинку, и нервный звонок Дениса в шестом часу утра был воспринят почти с облегчением.

Тогда из пьяного, перемежающегося всхлипами и матом монолога Зайченко капитан понял только одно: нашли Маренича, мертвого, со следами побоев и пыток. Отвезли в морг больницы, он не запомнил имени какого святого, в новой-старой городской топонимике путался, только по описанию понял, о чем идет речь, нужно срочно ехать, что-то делать, убивать кого-то...

Транспорт уже ходил, и меньше чем через два часа Виноградов перед входом в приемный покой выслушивал почти протрезвевшего, мучимого похмельным ознобом и чувством вины друга и помощника шефа. Выяснилось, что ночью Денису позвонил один из «заряженных» им работников скорой помощи и сообщил: так, мол, и так, найден на Московском вокзале мужчина, похож по приметам. Документов нет, смерть предположительно наступила от множественных травм головы часов шесть назад... И Зайченко сам себе не мог четко сказать, почему он вот так вдруг сразу и бесповоротно решил – шеф! И почему кинулся к телефону, подняв, помимо Виноградова, Орлова, еще целую кучу народа и многострадальную мареничевскую Ленку... И почему вылакал в одиночку полбутылки «Абсолюта», хотя, собственно, это был самый мотивированный из его ночных поступков...

К моменту появления Виноградова все уже разъехались, и только виновник завязавшейся кутерьмы переминался с ноги на ногу под бетонным козырьком неподалеку от входа: ему было велено дожидаться Владимира Александровича и получить очередную, причитающуюся персонально от него порцию пинков и оплеух.

– Это не он оказался. – Денис закончил рассказ и приготовился к худшему. Однако, вопреки ожиданиям, реакция капитана была вполне спокойной:

– Ладно, паникер. Пошли поглядим.

– Да ведь ходили уже... – робко простонал бедняга, в очередной раз представив холодное и страшное чрево трупохранилища.

Но Виноградов уже направился к обитой потертым дерматином, заляпанной годовалой грязью двери.

Действительно, все сомнения исчезли сразу же – то, что лежало на металлическом высоком столе, не было и не могло быть шефом: рыхлый, в каких-то лохмотьях, спутанные патлы спускаются к оскаленному рту, образуя подобие усов и бороды. Бледная маска лица в черных и фиолетовых гематомах. Владимир Александрович обратил внимание на торчащую из-под простыни руку: язвы, грязь, уродливые ногти вокзального бомжа... Он выглядел стариком, но медикам-профессионалам можно было доверять: покойник приходился почти ровесником господину Мареничу. И лысина опять же... Просто одному из них повезло в жизни чуть больше, он имел возможность делать себе педикюр и не пить тормозную жидкость. Но неизвестно, кому сейчас было лучше.

...Переехали Дворцовый мост и свернули на набережную.

– Сегодня будешь?

– Нет. Дежурю до девяти, я предупреждал Ивана.

– Ага... Ничего нового?

– Серьезно – ничего. Днем тут с одним человеком поводишься, может, что-нибудь уже прояснилось по тем ребятам... из банка.

– Понимаю... Вчера Корзун что-то шевелился, людей собирал.

– Да? Интересно... – Денис понял, что Владимир Александрович скорее встревожен, чем заинтересован. – И что?

– Не знаю! Ты позвони...

– Обязательно... Вот здесь! На углу останови.

– Счастливо, Володя. Еще раз извини.

– Ерунда. Бывает. Всего доброго, ребята! – попрощался капитан с водителем и охранником, выходя из машины.

...В промокшем дворе сустились, и Виноградов окончательно уверился: день, начавшийся с морга, ничем хорошим закончиться не может. Скопление разномастных, выкрашенных в сине-канареечный, зеленый, а то и в совершенно неуставной цвет бежевой грязи, автомобилей, прокашливание их изношенных двигателей, прогоревшая бензиновая вонь... Матюги взводных... Возбужденные, злые лица автоматчиков... Все старое, вечно холодное и простуженное здание Отряда было заполнено звуками готовящейся операции: скрежетали замки дверей оружейных комнат, штатные пишущие машинки рассыпали поспешную дробь последних приказов, по этажам перекатывалась гулкая поступь сотен пар тяжелых, обутих в казенные ботинки ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.